Александра Ненина

Три Александра горного дела. Скочинский, Терпигорев, Докукин. Страницы биографий

Александра Ненина

Три Александра горного дела. Скочинский, Терпигорев, Докукин. Страницы биографий

«Автор»

2026

Ненина А.

Три Александра горного дела. Скочинский, Терпигорев, Докукин. Страницы биографий / А. Ненина — «Автор», 2026

Книга представляет биографические очерки о трёх выдающихся горных инженерах, определивших развитие отечественной горной науки на протяжении столетия — от Российской империи до позднего СССР. Истории трёх Александров горного дела — Скочинского, Терпигорева, Докукина — показаны в общем контексте эпохи, в которую они жили.

© Ненина А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие. Горные инженеры в зеркале эпохи 5
Уголь, пылающий огнём. АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ СКОЧИНСКИЙ 9
Польский дворянин сибирского происхождения 11
От Альфочки до Шахтинского дела 22
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Александра Ненина
Три Александра горного дела. Скочинский, Терпигорев, Докукин. Страницы биографий

Предисловие. Горные инженеры в зеркале эпохи

Горной промышленностью называют комплекс отраслей, которые занимаются извлечением из земных недр полезных ископаемых. Противоречие между «высоким» названием — горная — и «низким» содержанием — недра — объясняется тем, что тектонические процессы нередко выталкивали глубинные богатства Земли наружу — в разломы и складки планеты, из которых получились горы. Потому в одних языках добыча полезных ископаемых связана с подземными шахтами (английское «Mining»), а в других – с надземными горами (немецкое «Bergbau»).

Русское словосочетание «горная промышленность» — дословный перевод с немецкого (Bergbau). Недаром же как раз в германских горах находится вход в царство гномов – сказочных рудокопов и хранителей подземных сокровищ. В России функцию гномов выполняла Медной горы хозяйка.

Горная промышленность – дело трудоемкое, требующее больших финансовых вложений, человеческих ресурсов, продуманной организации.

Историки находят взаимосвязь между совершенствованием горного производства, развитием горного дела, то есть научного знания о земных недрах, и появлением капиталистических отношений в производстве.

Вот и в России горная промышленность начала формироваться в петровскую эпоху, когда родилось российское предпринимательство.

Для поощрения инициативы новых российских буржуа Петр Первый установил в 1719 году принцип горной свободы, которая разрешала всем желающим разрабатывать недра. В этом же году была учреждена Берг-коллегия – первый государственный орган в России, системно занимающийся вопросами горного дела.

Возглавил Берг-коллегию легендарный человек — сподвижник Петра I, генерал-фельдцейхмейстер (то есть главный командующий артиллерией) Яков Брюс. Потомок шотландских королей, инженер и ученый, он считается первым русским масоном, с его именем связаны мистические истории, слухи о полетах на железной птице и обладании философским камнем. И в это нетрудно поверить, потому что очень скоро Брюс представил Петру масштабный труд – проект государственного землемерия и составления подробной географии империи.

Исполнителем проекта предложено было назначить Василия Татищева.

Тридцатитрехлетний Татищев участвовал в Северной войне, выполнял дипломатические поручения, а главное — обладал редкостной способностью не просто исполнять указы, но видеть за ними государственную перспективу. Через некоторое время Татищев получил другую, не менее важную задачу – наладить добычу руд в Сибири. Он с жаром принялся за дело: основал завод на реке Исети, ставший градообразующим предприятием для Екатеринбурга; выбрал площадку для медеплавильного производства близ деревни Егошиха, из которой потом выросла Пермь; явился создателем системы горного управления в Зауралье и начального звена профессионального горного образования – школ при заводах.

Решая сугубо практические задачи индустриализации Урала, Татищев попутно собирал материалы для комплексного описания страны. В результате появились первые российские сочинения по истории и географии: «Введение к историческому и географическому описанию Великороссийской империи», «История Российская». Правда, ни то, ни другое произведение при жизни автора не увидели свет. Однако именно горное дело дало толчок к изучению государства российского.

Потребность в образованных кадрах для стремительно растущей горной отрасли привела к тому, что спустя полвека после учреждения Берг-коллегии – 21 октября (3 ноября по новому стилю) 1773 года – Екатерина Вторая подписала указ о создании первого в России технического вуза – Горного училища.

За свою длинную историю вуз не раз подвергался преобразованиям и менял названия. Вплоть до 60-х годов 19-ого века, когда Корпус горных инженеров был переоформлен в Горный институт, он считался военным учебным заведением и воспитанники старших классов носили звания унтер-офицеров.

Пока российская система горного образования набирала силу, на производственной сцене появился новый персонаж — иностранный концессионер. То есть инвестор, вкладывающий средства в строительство либо эксплуатацию государственного предприятия. Одним из известнейших представителей иностранного капитала в горной промышленности станет Джон Юз, в честь которого назовут целый город – Юзовка, который впоследствии получит имя Донецк.

Он прибыл в Россию из Англии в 1870 году с целым штатом квалифицированных рабочих и оборудованием, необходимым для строительства металлургического завода. Через два года предприятие Юза выплавляет первый чугун, и, кроме британцев, на нем трудятся местные жители. А неподалеку работают рудники, где добывается уголь. В 1890 году Донецкий угольный бассейн — Донбасс давал уже половину всего добываемого в России угля. Он становится манящей точкой на угольной карте мира, отечественные же горные инженеры теперь так или иначе связаны с Донбассом.

Именно здесь начинали свою карьеру герои этой книги – три Александра горной промышленности – Александр Митрофанович Терпигорев (1873-1959), Александр Александрович Скочинский (1874-1960), Александр Викторович Докукин (1909-1984).

Все они сказали свое слово в горной науке, которое тут же аукнулось в горной практике, создали школы: Скочинский – в области рудничной аэрологии; Терпигорев – в области технологии и механизации производственных процессов; Докукин – в области горной механики.

Скочинский с Терпигоревым шли в горной науке одной дорогой: у них были одни учителя – Иван Августович Тиме и Николай Дмитриевич Коцовский, они в одно время начали преподавать, защитили диссертации, стали академиками. Правда, в Московский горный институт (детище новой советской эпохи, когда уголь был так же важен, как и хлеб) попали в разное время. Но именно в МГИ накрепко пересеклись пути всех трех героев нашей книги. Два профессора – Терпигорев и Скочинский — и студент Докукин оказались под одной крышей. Докукин впитывал опыт наставников и уже тогда начинал свой путь в горной механике.

Сами профессора к этому времени были вполне маститы – их так и называли: «один старик белый, другой старик черный».

«Работали, спорили, ездили, обследовали, – всегда с чувством взаимопонимания и уважения. Вся эта работа сблизила нас, и у нас выработались одинаковые подход и система в проводимых работах и даже график самой работы. Часто один и тот же объект мы обследовали вместе, чтобы потом при обсуждении составить общее решение», – писал А.М. Терпигорев в своих «Воспоминаниях горного инженера» о себе и о Скочинском.

Но вместе с тем по темпераменту Александр Александрович и Александр Митрофанович — во многом противоположны.

Это видно уже по фотографиям студенческой поры. Один суховатый, другой весь мягкий. У одного спокойные светлые глаза, сосредоточенный взгляд. У другого – глаза темные, бархатные, а взгляд мечтательный. Один затянут в студенческий мундир; другой в распахнутом плаще и сдвинутой набок фуражке.

И далее — один написал научные труды и учебники; а другой еще и воспоминания, и просветительские брошюры. Один любил живые розы в комнате; другой – ходить за грибами и ловить рыбу. Один «белый» старик. Другой – «черный».

Любопытно еще, что «старики» и в профсоюзах разных состояли. Александр Скочинский – в профсоюзе горнорабочих, тогда как Александр Терпигорев – в профсоюзе работников образования.

А.А. Скочинский и А.М. Терпигорев намного пережили своих сверстников, вместе с которыми учились в Санкт-Петербургском Горном институте и работали в направлении перевода горного искусства в науку, основанную не на эмпирических умозаключениях, а на точном расчете. Они успели сделать больше.

Современная отечественная горная наука во многом базируется на трудах Скочинского. Горная школа академика Скочинского живет, развивается, прирастает новыми учеными, новыми открытиями. Скочинскому посвящаются школьные музеи и научные симпозиумы1[1].

Терпигореву в этом отношении повезло меньше. В Московском горном университете (можно сказать, «старшем сыне» Московской горной академии, где начинал свой московский этап жизни Терпигорев) с гордостью показывают кабинет, где в 1920-е годы жил Терпигорев. В холле, где мраморная лестница, висит его портрет. И всё же нынешние сотрудники кафедры, которой руководил академик, ведут свое происхождение от Анатолия Семеновича Бурчакова, который учился у Анны Ивановны Ксенофонтовой – любимой ученицы Скочинского. Однако личность и биография Терпигорева не менее ярки, чем личность и биография его тёзки и коллеги Скочинского.

Первые два героя — Терпигорев и Скочинский — ушли со сцены, когда уголь был еще силен и лишь кое-где намечались признаки его ослабления; а третий — Докукин — почти вплотную приблизился к следующей эпохе, когда уголь начнет сдавать позиции нефти, когда начнут рушиться гиганты, когда целые государства зашатаются и упадут. Судьбы трёх Александров отразили не только эволюцию горной науки, но и переломные моменты в истории России.

Обо всех трёх Александрах горной промышленности в свое время написаны книжки — их современниками и коллегами, тоже горными инженерами.

Борис Александрович Розентретер написал книгу о Терпигореве (1965); Георгий Дмитриевич Лидин – о Скочинском (1969); Александр Дмитриевич Игнатьев – о Докукине (1993)2[2].

Все издания снабжены главными датами деятельности учёных, библиографическими списками, важное место в них занимает научно-производственная составляющая, а «просто жизнь» почти не затрагивается.

Нам же хотелось исправить этот перекос, уделить больше внимания человеческим частностям, а также вписать страницы биографий героев в общий фон эпохи. Автор старался придерживаться исторической точности, лишь изредка прибегая к реконструкции событий.

***

Началось же всё в Красноярске более четверти века тому назад. В солнечный сентябрьский день 2000 года мы познакомились с Инной Алексеевной Половниковой – правнучатой

---

[1] В 2005-2010 годах в школе № 138 города Красноярска действовал музей А. Скочинского. В октябре 2024 года в НИТУ МИСИС состоялся симпозиум в честь 150-летнего юбилея ученого.

[2] Розентретер Б. А. Александр Митрофанович Терпигорев. Москва, 1965; Лидин Г. Александр Александрович Скочинский. Москва, 1969; Игнатьев А.Д. Александр Викторович Докукин. 1909-1984. Москва, 1993. В этот список также можно добавить книгу Николая Васильевича Мельникова «Горные инженеры — выдающиеся деятели науки и техники», вышедшую в Москве первым изданием в 1970 год и вторым, дополненным - в 1974.

племянницей известного красноярского предпринимателя и библиофила Геннадия Юдина. Человек с красноярскими корнями, Инна Алексеевна родилась в Ленинграде, пережила блокаду, в 1957 году окончила физический факультет ЛГУ, получила степень кандидата геолого-минералогических наук… После выхода на пенсию вплотную занялась историей своего рода, исследованием жизни Геннадия Васильевича Юдина. И вот, работая в государственном архиве Красноярского края, изучая документы Красноярской мужской гимназии, где учился один из сыновей Г.В. Юдина – Леонид, Инна Алексеевна обратила внимание на то, что среди его однокашников значится Александр Скочинский.

Разумеется, геологу это имя сказало о многом! Труды Скочинского, посвященные вопросам запылённости и возникающих в шахтах пожаров, проблемам безопасности труда, не потеряли актуальности до сих пор. Одним словом, с лёгкой руки Инны Алексеевны Половниковой и началась история, которая привела к этой книге.

Но сначала в красноярской школе номер 138 создали музей, посвященный жизни Александра Александровича Скочинского. В процессе сбора материалов его создатели познакомились со многими интересными людьми. Завязалась переписка с родственниками А.А. Скочинского, с Константином Константиновичем Кузнецовым из Москвы, с Марией Помпеевной Ромашевой из Иркутска. Директор Института горного дела имени Скочинского из города Люберцы Анатолий Дмитриевич Рубан прислал школьному музею великолепный альбом, выпущенный к столетию Скочинского. А в самом Красноярске нашелся человек, который лично встречался с Александром Александровичем Скочинским — Наиль Хайбуллович Загиров.

История музея подробно описана в биографическом очерке о Скочинском «Угль, пылающий огнем», выпущенном в 2024 году московским издательством «Горная книга». Этот очерк был написан как дань памяти Скочинскому и дань памяти тем людям, которые нас с ним познакомили.

Но работа явно требовала продолжения: ведь жизнеописание Скочинского — только часть биографии горной науки и угольной промышленности России. А эта большая биография складывается из множества частных, взаимосвязанных судеб горных инженеров. Так родился замысел новой книги — рассказать не об одном герое, а о трёх.

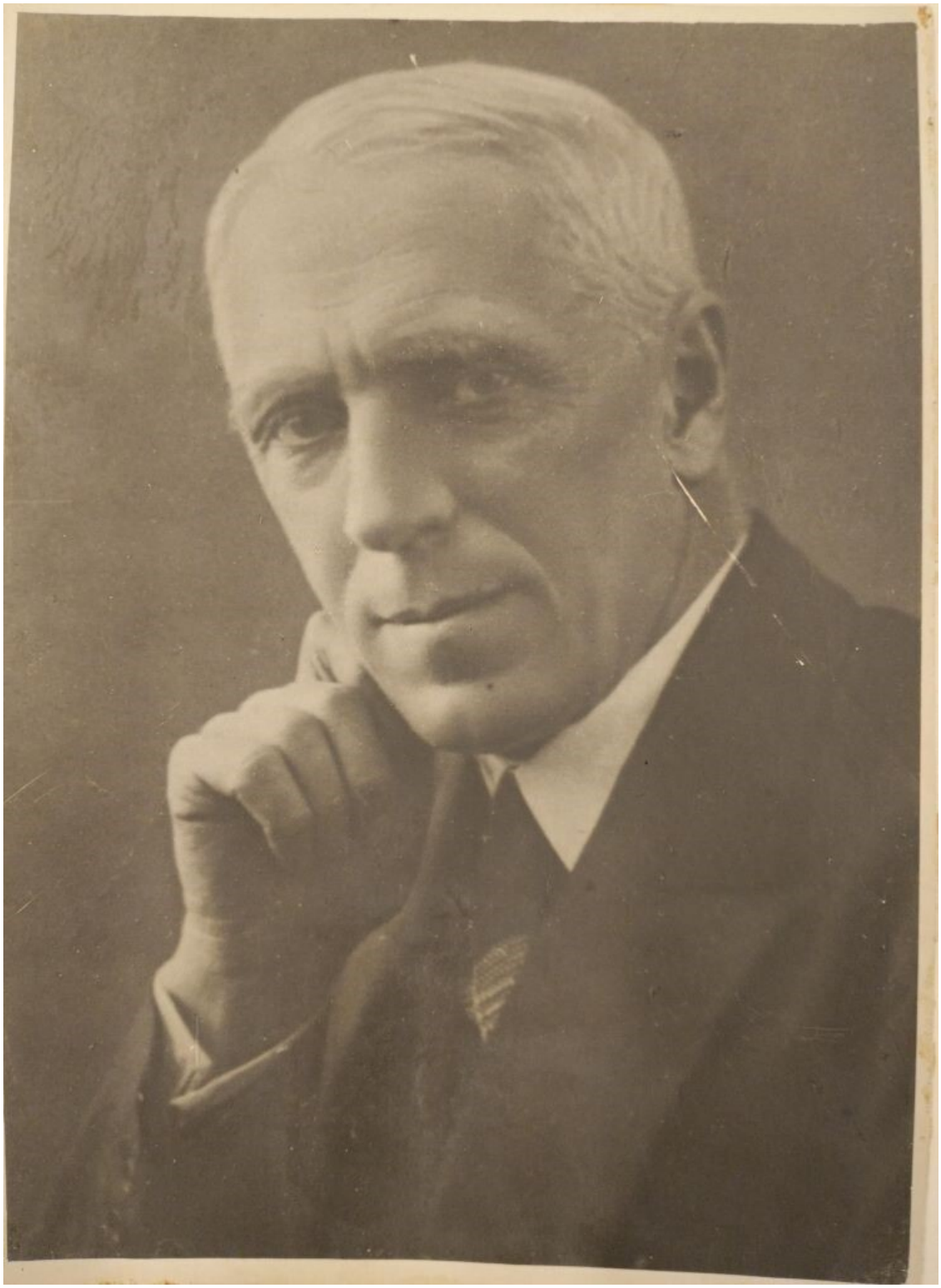
В процессе поиска новых материалов вновь и вновь встречались увлечённые, отзывчивые люди. Благодарим Татьяну Пилипенко и Сергея Кобылкина: они помогли найти важные сведения и познакомили с теми, кто хорошо знал героев книги. Без генеалогических изысканий Юлии Забелло часть об Александре Митрофановиче Терпигореве получилась бы куда более скудной. Особенную признательность хотим выразить Ирине Александровне Крутилиной (Докукиной) и её семье за бесценную помощь и поддержку. Благодарим также Сергея Васильевича Солода и Анатолия Васильевича Долголаптева — за их замечательные устные и письменные рассказы об Александре Викторовиче Докукине.

Эта книга появилась на свет благодаря людям, которые щедро делились воспоминаниями, архивными находками, семейными историями. Их неравнодушие слилось в полифонический хор голосов, который, мы надеемся, поможет читателю услышать живую мелодию угольной эпохи.

Ну, а если читатель задумается ещё и о быстро летящем времени, о прошлом, которое умрёт, или же отомстит, если его забыть, то будем считать свою главную задачу выполненной: пусть память живёт и люди помнят.

Уголь, пылающий огнём. АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ СКОЧИНСКИЙ

Польский дворянин, фигурант «Шахтинского дела», Герой Труда… В биографии Скочинского сходятся многие линии, его руку пожимали многие исторические личности, а сам он не единожды оказывался на волосок от гибели.



Александр Александрович Скочинский, 1927

Польский дворянин сибирского происхождения

Александр Александрович Скочинский происходил из семьи польских ссыльных, участников Январского восстания 1863-1864 годов. Его дед Медард Феликсович Скочинский владел имением в Гродненской губернии3[3]. К началу восстания Медард был 45-летним вдовцом с двумя сыновьями. Старшему – Александру шел восемнадцатый год, младшему – Феликсу исполнилось 16. Оба учились в гимназии в Белостоке – сейчас это польский город, а в те времена – центр Белостокского уезда Гродненской губернии Российской империи.

С 1815 по 1915 годы Царство Польское большей частью находилось в составе Российской империи. Помимо собственно Польши, в Царство это входили отдельные земли современных Литвы, Украины, Белоруссии. В том числе – Гродненская область, где в Пружанском уезде в имении Галены (Галяны) жили помещики Скочинские.

В 1569 году на карте Европы появилось новое государство – Речь Посполитая. В дословном переводе это обозначает «общая вещь», или «общее дело». «Общее дело» объединяло два самостоятельных государства – Королевство Польское и Великое княжество Литовское.

У каждого из них был свой управленческий аппарат, финансы, вооруженные силы, законы; а общим у них был монарх – король польский и великий князь литовский. Этот титул не передавался по наследству: глава государства избирался законодательным органом – сеймом, единым для Королевства Польского и Великого княжества Литовского. Однако далеко не всегда выборы проходили, как должно, и для упорядочивания политической системы страны, в частности, урегулирования разногласий в сейме, в 1791 году была принята Конституция – по существу, вторая национальная конституция в мире после Конституции США. Ее действие продолжалось чуть больше полутора лет: соседи Речи Посполитой не выразили восторга от происходивших там преобразований, и нарождающееся государство оказалось втянутым в целую череду войн. В конце концов, пережив четыре раздела между Россией, Австрией и Пруссией в 1772, 1793, 1795, 1815 годах, Речь Посполитая прекратила свое существование.

Тем не менее, польское движение за независимость продолжалось. В ноябре 1830 года вспыхнуло Ноябрьское восстание (1830-1831), в январе 1863 – Январское (1863-1864). И в том и в другом активное участие принимали жители Гродненской губернии, большинство из которых были польского происхождения.

Медард Скочинский исполнял обязанности заместителя главы повстанческой администрации, созданной для поддержания порядка на перешедших к восставшим территориях. Русоволосый, сероглазый, с длинным носом и согбенной спиной, Медард получил прозвище «Муха». Недостаток роста, – менее полутора метров, – сполна компенсировался энергичным характером и высокой работоспособностью. В его ведении были вопросы продовольствия и экипировки. Что же касается поставок «бунтовщикам» оружия, то, вероятно, если она происходила, то с величайшей осторожностью, потому что на суде это обвинение осталось недоказанным.

А вот в боях «с москалями» Медард с сыновьями участвовали. Например, в мае 1863 года в сражении у деревни Михалин огнестрельное ранение получил Феликс.

После подавления восстания и следствия, которое длилось почти год, Гродненский военно-полевой суд лишил Скочинских прав состояния, сыновей приговорил к сибирской ссылке, а главу семейства – к расстрелу. Но потом смертную казнь заменили каторжными работами – и Медарда Феликсовича отправили на Александровский винокуренный завод неподалеку от Иркутска. В 1868 году – по амнистии, объявленной в честь рождения будущего последнего

[3] Строго говоря, владельцев имения было двое – Медард и его брат Александр, потомки которого примут самое непосредственное участие в судьбе Александра Александровича Скочинского.

российского самодержца Николая Второго – Медард Скочинский был освобожден от каторжных работ и переведен на поселение.

Между тем его сыновья Александр и Феликс, сначала сосланные в город Бийск на Алтае, оказались в Томске. Они ходатайствовали о переезде к ним отца, что и произошло в 1871 году. Семейство воссоединилось в Томске, где в то время жила большая колония ссыльных за участие в Январском восстании поляков.

Среди них – Костюкевичи (или – Косцюкевичи). Глава семьи Казимир умер в 1870 году и упокоился на католическом кладбище Томска, вдова Розалия осталась с пятью детьми: сыном Витольдом и четырьмя дочерьми – Антониной, Юзефой, Людовикой и Камилой.

В метрической книге за 1873 год Храма Покрова Пресвятой Богородицы (Польском костеле) в Томске сохранилась запись о венчании 15 февраля 1873 года дворянина Александра Скочинского, 28 лет, сына Медарда и Софии (в девичестве – Парчевской), с Лудовикой Косцюкевич, 18 лет, дочерью Казимира и Розалии (в девичестве – Татур) Косцюкевич.

К этому времени братьям Скочинским не только возвращено дворянство, но и по амнистии, объявленной по случаю рождения Георгия – третьего сына цесаревича Александра (будущего Александра Третьего), разрешено жить в Европейской части России. Однако братья не торопятся покидать Сибирь: они занялись золотоискательством.

Впрочем, вскоре после женитьбы старшего брата Феликс все-таки возвращается в Гродненскую губернию. В 1874 году Медарду Скочинскому тоже были возвращены личные права состояния, и в августе этого года он переезжает в Казань. Далее его следы теряются. Однако мы можем предположить, что своего первого внука Александра-Юлиуса, родившегося 1 (13) июля 1874 года, Медард Феликсович все же увидел.

***

Итак, Александр Александрович Скочинский явился на свет в селе Солянка Олекминского улуса Якутии.

Солянка расположена в 15 километрах к северо-востоку от Олекминска, куда вскоре переехала семья Скочинских. В Олекминске они поселились в доме по улице Горная.

14 декабря в Олекминск приезжает известный всем сибирским полякам ксендз Христофор Шверницкий (1814-1894). Его называют «Апостолом Сибири».

Сорок с лишним лет назад, юношей, он участвовал в Ноябрьском польском восстании, а после его поражения посвятил себя церкви, вступил в орден мариан (иначе – Конгрегация Непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии), стал священником. Работал в школе для глухих и слепых детей в Варшаве, потом создал подобную в городе Мариямполе (сейчас это территория Литвы), а в 1846 году по обвинению в распространении польской патриотической литературы был арестован. После пяти лет тюремного заключения Шверницкого отправили в ссылку в Иркутск. Через несколько лет ссылки ему позволили вернуться на родину, но он решил остаться в Сибири – быть там, где слово утешения и веры имеет особенный смысл. Оставшуюся жизнь он провел в Иркутске и там же трагически погиб от рук разбойников.

С 1856 года Шверницкий – настоятель прихода Вознесения Девы Марии в Иркутске, крупнейшего по территории римско-католического прихода в мире. Он много времени проводит в разъездах, навещает своих подопечных в самых глухих уголках, совершает требы, венчает молодожен, крестит младенцев.

Именно ксендз Шверницкий крестил двух старших сыновей Александра и Людовики Скочинских – Александра-Юлиуса и Анатолия-Эдуарда.

Всего же в этом семействе было шестеро детей: в 1879 году родился Лев-Людовик, затем дочери Евгения и Кристина, потом еще сын – Степан. Но к этому времени Скочинские уже покинули Олекминск.

***

Дети росли, надо было думать об их образовании. И вот в январе 1877 года Александр Медардович Скочинский подает прошение Якутскому губернатору о разрешении на выезд в интеллектуальный центр Сибири — Томск. Но что-то пошло не так — и вместо Томска семья оказалась в селе Абаканское Енисейской губернии. В тридцатых годах двадцатого века оно было переименовано в Краснотуранское (Тураном называется один из притоков Большого Енисея, который в свою очередь является истоком самой полноводной реки России – Енисея). Еще через тридцать лет в этих местах развернулось строительство Красноярской ГЭС – и старинное село ушло под воду.

Абаканское находилось в 13 верстах от довольно большого по тогдашним сибирским меркам города Минусинск. Совсем недавно там открылся краеведческий музей, вокруг которого группировался ссыльный политический элемент, которого в Минусинске было предостаточно.

Один из самых ярких ссыльных минусинцев – народник Дмитрий Александрович Клеменц (1847-1914). В 1882 году в Италии вышла книга революционера Сергея Михайловича Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия», где Клеменцу посвящены самые теплые строчки. Кстати говоря, как раз тогда Клеменц живет в Минусинске.

Клеменц был давним знакомцем основателя Минусинского музея – Николая Михайловича Мартьянова. Они в одно и то же время учились в Петербурге, пересекались в Казани, где Клеменц учился сначала в гимназии, а потом в университете, а Мартьянов работал в аптеке. Из Казани Мартьянов – провизор по профессии – переехал в Минусинск, где, кроме официальной специальности, еще и — на общественных началах — занимался исследованием и классификацией сибирской флоры, сбором информации о населяющих Сибирь народах. В результате – получился музей.

Клеменц окунулся в музейную работу с головой. Он систематизировал уже собранные материалы, организовывал экспедиции – естественнонаучные, этнографические, антропологические, археологические – и сам в них участвовал. Параллельно с научными трудами Клеменц писал небольшие тексты для периодической печати. Его стихи, художественные фельетоны и научно-популярные статьи появлялись на страницах «Сибирской газеты», которая выходила в Томске. Кстати говоря, и книга Клеменца «Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох» тоже была издана в Томске. После ее публикации Клеменц был избран членом-корреспондентом Московского археологического общества.

Словом, Минусинск являлся весьма культурным городом и любознательному подростку, коим в то время был Александр-Юлиус Скочинский, предоставлялись просто исключительные условия для развития. К поступлению в гимназию его со всем тщанием готовил Клеменц.

Переехав в Красноярск, а затем и в Петербург, Саша Скочинский не забывал своих абаканских учителей, переписывался с ними. Сохранились его письма к Н.М. Мартьянову.

* * *

Летом 1886 года Скочинские стали красноярцами. В августе Саша поступил во второй класс Красноярской мужской классической гимназии. Дмитрию Александровичу Клеменцу не пришлось краснеть за своего ученика. Вступительные экзамены были сданы весьма успешно: за русский и латинский языки получены четверки, за арифметику – пять. Эти отметки гораздо лучше, чем у других экзаменующихся.

Обучение в гимназии было семиклассным, однако выпускной класс состоял из двух годовых курсов. Гимназию Александр-Юлиус Скочинский окончил с золотою медалью. В его аттестате зрелости, выданном 29 мая 1893 года, мы видим не только латинский язык, но и греческий, немецкий и русский со словесностью, а также логику, математику, физику и математическую географию, историю и географию. Везде – сплошные пятерки.

В Красноярске. На охоте. 1894 год. Третий справа – Александр Скочинский. Фото из личного фонда К.К. Кузнецова, Главархив Москвы

Среди одноклассников Александра Юлиуса – в будущем именитые красноярские люди. Архитектор Леонид Чернышев, художник Дмитрий Каратанов… Мать Каратанова – в девичестве Павлина Николаевна Сабесская – тоже, между прочим, происходила из семьи ссыльных поляков – участников Январского восстания.

Непоседливый, не слишком усердный, но способный Петр Красиков учился двумя классами старше Скочинского. Потом они оба поступят на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, а в 1928 году их пути вновь пересекутся – в ходе Шахтинского дела, где Скочинский будет среди арестованных, а Красиков – прокурор Верховного суда СССР4[4] – выступит с заявлением о контрреволюционном экономическом заговоре.

[4] Прокуратура Верховного Суда СССР — надзорный орган за соблюдением законности правовой системы СССР в 1923 — 1933 годах, парадоксальным образом объединивший в себе обвинительную и судебную составляющие в системе советского правосудия.

Александр Скочинский в Красноярске. 22 мая 1892 года

Жили Скочинские в районе современной улицы Горького, неподалеку от усадьбы Шепетковских – известнейшего в Красноярске семейства. Его родоначальник Александр Кириллович Шепетковский (1808-1877), бывший архангельский полицмейстер, вышедши в отставку в 1848 году, перебрался с семейством в Сибирь, в Красноярск, где обратился к золотопромышленности. У Александра Кирилловича было девять детей и судьба многих из них тоже связана с Сибирью, с Красноярском.

По соседству со Скочинскими жил как раз старший сын Александра Кирилловича – Николай Александрович Шепетковский (1847-1919) с супругой и детьми.

Выпускник военно-юридической академии в Петербурге, Николай Александрович служил сначала заведующим учебной командой войск Енисейской губернии, но через пять лет

вышел в отставку и поступил в местное отделение Государственного банка. В 1877 году он избран гласным, то есть депутатом, красноярской городской Думы, а два срока подряд – с 1898 по 1901 и с 1902 по 1905 – городским головой Красноярска.

Н.А. Шепетковский явился одним из инициаторов создания и первым директором Красноярской публичной библиотеки (потом – Центральная городская библиотека имени Максима Горького). Он занимается также организацией школы для девочек, составлением устава Общества попечения о начальном образовании, хлопочет об устройстве литературно-музыкального общества и проведении народных чтений…

С женою Зинаидой Ивановной у них шестеро детей: два сына и четыре дочери. Самая старшая – Мария – родилась в 1873 году.

Мария Николаевна Шепетковская станет женою Александра Александровича Скочинского.

Запись об их венчании сохранилась в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, в метрической книге церкви Благовещения Пресвятой Богородицы на Васильевском острове в Санкт-Петербурге за 1900 год:

«Александр Александрович Скочинский, горный инженер, состоящий в распоряжении директора Горного института императрицы Екатерины II-й для практических занятий, 26 лет, римско-католического вероисповедания, и Мария Николаевна Шепетковская, дочь статского советника, 27 лет, православного вероисповедания, девица, бракосочетались 5 ноября 1900 года.

Оба первобрачные.

Поручители жениха: Михаил Федорович Делярю, потомственный дворянин, студент Горного института императрицы Екатерины II-й, и Стефан Осипович Ветошинский, помощник присяжного поверенного.

Поручители невесты: Сергей Иванович Чистяков, потомственный дворянин, и Василий Юлиевич Кузнецов, окончивший курс императорского Санкт-Петербургского университета, студент Горного института императрицы Екатерины II-й.

Венчание совершил священник Иаков Михайловский с диаконами Михаилом Ливановым и Александром Озеровым».

* * *

Итак, окончив Красноярскую гимназию с золотой медалью, в 1893 году Александр Скочинский уезжает в Санкт-Петербург, становится студентом физико-математического факультета университета. Однако уже через два года, в 1895, оставляет его и переводится в Горный институт. В своей автобиографии А.А. Скочинский объясняет этот перевод следствием трудного материального положения, в котором он тогда находился: дело в том, что в Горном институте студентам-отличникам полагались хорошие стипендии.

В 1896 году умер отец – Александр Медардович Скочинский. Извещение вдовы, Людвиги Казимировны, об этом скорбном событии опубликовано в красноярской газете «Енисей».

После смерти мужа Людвига Казимировна с детьми (младшему, Степану, только четыре года) перебралась в Иркутск. Сейчас трудно сказать, почему она выбрала именно этот город, почему не поехала в европейскую часть страны, поближе к сыну и к своей родине?

Возможно, в Иркутске у Людвиги Казимировны жили близкие люди? Брат? Сестры?

Но, как бы то ни было, а имя Скочинских сохранилось в иркутской истории, в иркутских архивах, которые основательно проработала внучка Льва Скочинского — Мария Помпеевна Ромашева.

Анатолий и Лев Скочинские тоже, как и Александр, пошли по горной части, работали на шахтах Черемховского каменноугольного бассейна (Иркутская область). Среди угольщиков Черембасса встречалось много ссыльных поляков. Про Анатолия Скочинского известно, что он умер от тифа в декабре 1934 года.

Лев Скочинский окончил горно-промышленное училище в Иркутске, работал инженером на Черемховском угольном разрезе, управляющим на Велестовских копях5[5].

Женился Лев в один год с братом Александром. Его избранницей стала Екатерина Арсеньевна Усольцева. И жениху, и невесте было по двадцать лет. Екатерина Арсеньевна – дочь известного в Иркутске, да и за его пределами тоже человека – Арсения Федоровича Усольцева (1830-1909), астронома, топографа, геодезиста и геолога. Он окончил Константиновский межевой институт6[6], был секретарем Сибирского отдела Русского географического общества, а также состоял младшим межевым ревизором при генерал-губернаторе Восточной Сибири. В своем деле Арсений Усольцев достиг значительных успехов и высоких должностей. Член Совета Главного управления Восточной Сибири, он носил гражданский чин действительного статского советника, то есть равновеликий генерал-майору армии и контр-адмиралу флота.

Помимо того, Арсений Федорович не чуждался общественной деятельности и даже явился одним из учредителей Иркутской публичной библиотеки. Словом, немного походил на Николая Александровича Шепетковского – тестя брата Александра!

Вообще, получается, что судьбы Александра и Льва Скочинских складывались во многом параллельно. Оба горные инженеры; оба женились в один год, взяв в жены девушек из интеллигентных семей; у обоих по две дочери…

Кроме того, у братьев был колоритный общий знакомый – Петр Иакимович Пальчинский. С Александром Скочинским они учились на одном курсе Горного института, да и потом их жизни не раз пересекались. Лев же Скочинский работал вместе с Петром Пальчинским на Черембасе, Пальчинский был управляющим в Головинском горнопромышленном товариществе, а Скочинский-младший – штейгером7[7].

Лев Александрович Скочинский умер 3 марта 1922 года от сердечной болезни. У него осталась вдова Екатерина Арсеньевна и шестнадцатилетняя дочь София (старшая дочь – Татьяна – умерла в отрочестве). Вскоре они перебрались из Черемхово в Иркутск.

В это время в Иркутске живет Людвига Казимировна Скочинская с младшими детьми – Степаном, Евгенией и Христиной. Известно, что 6 апреля 1922 года в Иркутском ЗАГСе был зарегистрирован брак Христины Александровны Скочинской, родившейся 24 июня 1891 года в Красноярске, с Аркадием Михайловичем Городецким, уроженцем Пермской губернии. Профессией жениха указано «актер», а невесты – «зубной врач».

Что же касается Евгении Александровны Скочинской, то в замужестве она носила фамилию Пятидесятникова. В автобиографии, рассказывая о родственниках, А.А. Скочинский упоминает, что его сестра Евгения «служит в одной из библиотек в Иркутске».

Позже сестры – Христина Городецкая и Евгения Пятидесятникова – переехали в Новосибирск, где Евгения работала в библиотеке Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР.

Людвига Казимировна Скочинская умерла в январе 1926 года, а еще через два года, в феврале 1928-го, сгорел от чахотки Степан.

Екатерина Арсеньевна Скочинская работала машинисткой в радиокомитете, ее дочь София – бухгалтером на предприятии «Дальснаб». София вышла замуж за Помпея Александровича Ромашева, главного механика газохода «Пионер», и у них родились две дочери: Татьяна и Мария. По-видимому, дети и внуки Татьяны и Марии остались единственными потомками Александра Александровича Скочинского в XXI веке — по линии его брата.

* * *

[5] Велестовские копи близ станции Нюра Транссибирской железнодорожной магистрали открылись в 1903 году.

[6] Это высшее учебное заведение дореволюционной России, можно сказать, стало «отцом» целых двух известных московских вузов – Московского государственного университета геодезии и картографии и Государственного университета по землеустройству.

[7] Ковальская Т., Петров А. Черемховские копи начала XX века в лицах, Иркутск, 2017. С. 33

У Александра Александровича и Марии Николаевны Скочинских было две дочери – Зинаида и Марина. Мария Николаевна Скочинская работала сестрой милосердия в госпитале в Ростове-на-Дону, где в Донском политехническом институте на кафедре горного искусства служил ее муж. 25 января 1919 года Мария Николаевна умерла от тифа. Через год от менингита умерла Марина, а сам А.А. Скочинский тяжело заболел тифом. Болезнь застала его в Екатеринодаре (Краснодаре).

В Екатеринодаре он и познакомился с Александрой Карповной Лабузой, которая вылечила и выходила его. В 1920 году вместе с дочерью Зинаидой и Александрой Карповной Скочинский возвращается в Петроград.

Александра Карповна Лабуза8[8] становится женой Скочинского.

* * *

Младшая дочь Скочинского – Зинаида родилась 25 ноября 1905 года. В 1923 году она окончила Школу Карла Мая в Петербурге. Упоминание о Зинаиде Александровне Скочинской имеется и на сайте Архива Санкт-Петербургского филиала Российской академии наук, где указано, что в 1933 году она являлась научным сотрудником I разряда Института физико-химического анализа (ИФХА) АН СССР9[9].

Зинаида Скочинская вышла замуж за Сергея Захаровича Макарова (1898-1961), своего коллегу по ИФХА, ученого-химика, а также выпускника Петроградского горного института. В 1947 году академик А.А. Скочинский и профессор С.З. Макаров выпустили совместный труд – «Исследования в области применения антипирогенов при борьбе с рудничными пожарами эндогенного происхождения».

Фотография Зинаиды Скочинской вместе с отцом – Александром Александровичем Скочинским – и мужем Сергеем Захаровичем Макаровым, сделанная в 1933 году, хранится сейчас на кафедре «Безопасность и экология горного производства» Горного института Национального исследовательского технологического университета МИСИС.

---

[8] Нами найдены сведения, что Александра Карповна Скочинская умерла в 1955 году, похоронена на кладбище «Верхний посад» в Звенигороде.

[9] В следующем, 1934-м, году Академия наук СССР переехала из Ленинграда в Москву. В частности, созданный академиком Николаем Семеновичем Курнаковым Институт физико-химического анализа был объединен с еще несколькими родственными структурами АН СССР – и стал называться Институтом общей и неорганической химии. В 1944 году этот институт получил имя Н. С. Курнакова. В настоящее время он находится по адресу: Москва, Ленинский проспект, дом 31.

А.А. Скочинский с дочерью Зинаидой и зятем С.З. Макаровым. 1933

***

Александр Александрович Скочинский – старший сын в многодетной семье. Все его братья и сестры остались в Сибири, и, судя по всему, личное общение с ними было минимальным. Но вместе с тем теплые, нежные отношения связывали ученого с семейством более отдаленной его родственницы – Нины Витольдовны Скочинской-Кузнецовой.

Нина Витольдовна – дочь Витольда Александровича Скочинского, а Витольд Александрович Скочинский был племянником Медарда Скочинского, сыном его брата Александра, с которым они вместе владели поместьем Галены в Пружанском уезде Гродненской области.

Таким образом, получается, что Александру Александровичу Скочинскому Нина приходилась троюродной сестрой: у них общий прадед – отец Медарда и Александра Скочинских, которого звали Феликс.

Александр Александрович Скочинский принимал живое участие в ее судьбе. Именно он познакомил совсем ещё молоденькую Нину, выпускницу института благородных девиц10[10], со своим коллегой и товарищем – Константином Андреевичем Кузнецовым, за которого она вышла замуж.

Нина Витольдовна очень любила первую жену Скочинского – Марию Шепетковскую, и оттого болезненно восприняла его новый брак. Однако Александра Карповна всё же сумела расположить ее к себе, вскоре женщины подружились.

Со второй женой Скочинский прожил больше тридцати лет. В последние годы Александра Карповна много болела – и в сущности, быт и дом этой семьи вела Нина Витольдовна.

[10] Нина Скочинская училась сначала в Белостокском институте благородных девиц, а затем перешла в Петербургский – Петербургское училище ордена Святой Екатерины.

Нина Витольдовна Кузнецова с сыном Констиантином, Харьков 1936

Нина Витольдовна преподавала немецкий язык в одном из московских вузов. Когда умерла Александра Карповна Скочинская, Нина Витольдовна, чтобы не разрываться между работой и уже очень немолодым братом, вышла на пенсию11 [11]. Однако академик вдовствовал лишь год: в декабре 1956 он женился вновь.

Третьей, последней, женой А.А. Скочинского стала Елена Николаевна – урожденная Иванова, по первому мужу Шамелева. Она была старшей дочерью известного ставропольского предпринимателя Николая Тимофеевича Иванова (1861-1913). Он принадлежал к тому же кругу людей, что и первый тесть Скочинского – Николай Александрович Шепетковский. Оба – и примерно в одно и то же время – были городскими головами, состояли в партии кадетов, а Николай Тимофеевич являлся еще и членом Государственной думы в 1909-1912 годах.

[11] Нина Витольдовна Скочинская-Кузнецова родилась в 1895 году, а умерла в 1963.

Сохранилось фото с празднования 85 летнего юбилея Александра Александровича Скочинского в 1959 году. По одну руку академика – его жена Е.Н. Скочинская; по другую – 12 летний Сережа Кузнецов, сын Константина Константиновича и внук Нины Витольдовны

Елена Николаевна родилась в 1894 году, а умерла в 1987-м, похоронена рядом с матерью и братом на Ваганьковском кладбище.

Но доскажем историю про Кузнецовых. У Нины Витольдовны и Константина Андреевича Кузнецовых было два сына: Константин и Николай. Константин пошел по стопам отца и дяди: связал жизнь с горным делом. Он родился 15 декабря 1914 года в Ростове-на-Дону. В 1936 окончил Московский горный институт и стал работать инженером на шахтах Донецкого и Кузнецкого угольных бассейнов. В Великую Отечественную войну занимался строительством оборонительных сооружений Южного фронта, восстановлением угольных шахт Московского и Донецкого угольных бассейнов. В 1957 году возглавил Всесоюзный научно-исследовательский и проектный институт «Центрогипрошахт», был профессором Московского горного института. Константин Константинович Кузнецов оставил воспоминания об Александре Александровиче Скочинском, которые сейчас хранятся в Главархиве Москвы.

От Альфочки до Шахтинского дела

С 1895 по 1900 годы Скочинский учится в Петербургском Горном институте. Он поступил в Горный институт, а закончил уже Горный институт Императрицы Екатерины Второй.

«Горный выпуск» 1900 года – самый многочисленный в дореволюционный период, с весьма примечательными выпускниками. Дипломы тогда получили 79 человек. Среди них – немало выдающихся инженеров и общественных деятелей.

Сохранилась фотография «великолепной пятерки» выпускников 1900 года. На ней изображены — Иосиф Иосифович Федорович, Роман Федорович Зиверт (они с Федоровичем были женаты на сестрах Баньолесси. Федорович – на Елене Евгеньевне, а Зиверт – на Клавдии Евгеньевне), Александр Александрович Скочинский, Адам Александрович Свицын. Таким образом, неузнанным остается только один молодой человек — в очках и с бородкой, расположившейся в самом нижнем ряду.

Двенадцать лет спустя, в июле 1912-го, трое из сфотографированных горных инженеров опять окажутся на одном снимке, сделанном в Юзовке; а двое из них, Федорович и Скочинский, еще через 16 лет, в 1928-м будут проходить по Шахтинскому делу.

Перенесемся в июль 1912 года. В апреле в Атлантическом океане уже затонул «Титаник», а на реке Лене на золотых приисках расстреляны рабочие. В марте на шахте «Итальянка» в Макеевке произошел взрыв, погибли люди. В мае в Петербурге начала издаваться газета «Правда», которая рассказывала обо всех этих событиях.

Нас сейчас интересует шахта «Итальянка». Она заложена в 1900 году Русско-Донецким Обществом, однако к 1912 году арендовалась франко-российским обществом «Русский горный и металлургический Унион». Кроме местных донбасских пролетариев на ней работали трудовые мигранты из Европы, в частности, итальянцы. Располагалась в Макеевке, в 9 километрах от Юзовки – нынешнего Донецка.

1 марта 1912 года на «Итальянке» взорвался газ и пыль, погибли люди. Вот, что пишет об этом взрыве «Правда» – в самом первом своем номере от 22 апреля (или 5 мая по новому стилю) 1912 года.

К взрыву в шахте «Итальянка»

Министерством Торговли и Промышленности издан отчет о результатах обследования взрыва гремучего газа и каменноугольной пыли на шахте «Итальянка», происшедшего 1 марта 1912 года и повлекшего за собой гибель 56, а также ожоги и поранения 14 рабочих.

Для выяснения причин катастрофы д.с.с. Хованскому, Члену Горного Совета, было поручено образовывать на месте особые совещания. В то же время на командированных лиц было возложено обратить особое внимание на те меры, которые следовало бы установить на будущее в целях большей безопасности производства горных работ вообще и в Донецком бассейне в частности.

Взрыв произошел на 7-й продольной выработке, по близости глухой печи, в которой, вследствие плохого проветривания, образовалось скопление газа, вышедшего на продольную и там воспламененного папиросой, спичкой или лампой одного из трех бывших здесь рабочих.

Согласно заключению Комиссии, производившей обследование, устройство и действие вентиляции на руднике, в общем, удовлетворяло требованиям закона. Но, в частности, были допущены управлением рудника нарушения как требований установленных правил, так и необходимых мер предосторожности в отношении вентиляции.

Что касается вопроса – «были ли приняты все предписываемые законом меры предосторожности для предотвращения взрыва» из ряда упущений обследования отмечает одно, имеющее связь со взрывом на руднике, а именно то, что при завинчивании предохранительных ламп при помощи крючка мялась сетка лампы, и такая лампа с поврежденной сеткой представляла явную опасность при работах в среде газа. Однако лампы с такими сетками выдавались рабочим.

В качестве главы расследования катастрофы «Правда» упоминает действительного статского советника Хованского. В других источниках12[12] говорится, что находившийся в Санкт-Петербурге Хованский прибыл на место трагедии уже когда там работала комиссия под руководством исполняющего обязанности начальника Юго-Восточного горного управления, тоже действительного статского советника Владимира Ивановича Лазарева. В составе этой комиссии находились практически все люди, которые собрались в Юзовке четырьмя месяцами позже и запечатленные коллективным снимком, датированным июлем 1912 года.

По-видимому, июльское совещание деятелей горного дела в Юзовке также связано с трагическими событиями на шахте «Итальянка».

[12] Опыт работы донских спасательных станций за 1911-1913 гг (Взрыв на шахте «Итальянка») | Горноспасательное дело на Дону | Дзен, https://dzen.ru/a/ZjsS0sRvoxUkTm_d?ysclid=mgoz2ud5bu988054852

Участники совещания деятелей горного дела в Юзовке (ныне – Донецк), 1912.
Слева направо в первом ряду: А.А. Скочинский, Б.И. Бокий, Сучков, Хованский, Селянинков, А.А. Свицын, А.М. Терпигорев;
во вт ором ряду: М.М. Протодьяконов, Фенин, Давыдов, Верменичев, Цишевский, Маляровский, Тигранов, Шелякин;
в третьем ряду: Запорожец, Коленский, Мешков, Соколов, Ауэрбах, Бубляев, Федорович, Гроссман;
В четвертом ряду: Добровольский, Робун, Сикорский, Д.Г. Левицкий, Минарский

Фото из архива кафедры «Безопасность и экология горного производства» Горного института Национального исследовательского технологического университета МИСИС

Расскажем обо всех по порядку. В первом ряду крайний слева, конечно, Александр Александрович Скочинский. В первом десятилетии двадцатого века его деятельность тесно связана с Донбассом.

Рядом со Скочинским — **Борис Иванович Бокий** (1873-1927), горный инженер, заложивший аналитические методы проектирования рудников и шахт. Он — сын известного химика Ивана Бокия (1845-1897); брат чекиста, одного из организаторов красного террора Глеба Бокия (1878-1937), которого считают прототипом булгаковского Воланда; и отец основоположника советской кристаллохимии Георгия Бокия (1909-2001).

Далее на фотографии видим сложившего руки на груди **Сергея Николаевича Сучкова**, начальника Горного управления Южной России и председателя Съездов горнопромышленников Юга России – одного из первых объединений работодателей дореволюционной России.

Ровно посередине первого ряда сидит, опершись обеими руками на подлокотники кресла, **Яков Иванович Хованский** (1869-1915) — директор Горного Департамента и предшественник своего соседа справа – С. Н. Сучкова – на посту начальника Горного управления Южной России.

А по его левую руку — **Леонид Павлович Семянников**, недавно, в конце апреля, возглавивший Юго-Восточное горное управление.

За ним, в гражданском костюме — **Адам Александрович Свицын** (1875-1937), управляющий Юзовским металлургическим заводом и рудниками. Расстрелян в годы сталинских репрессий.

Отметим, что на июльской фотографии 1912 года в Юзовке присутствуют, как минимум, шесть выпускников Петербургского Горного института 1900 года: Скочинский, Свицын, Мешков, Федорович, Добровольский, Робук.

Самый правый в первом ряду — **Александр Митрофанович Терпигорев** (1873–1959) – пионер сразу нескольких направлений горной науки, впоследствии, как и Скочинский – один из первых советских академиков в области горного дела, создатель серии учебных пособий по важнейшим его разделам, инициатор и главный редактор 11-томного энциклопедического справочника «Горное дело» (1957), по мнению специалистов, не имеющим аналогов в мировой научной литературе. В 1912 году он преподает в Екатеринославском горном институте и председательствует в Екатеринославском отделении Русского Технического Общества.

Переходим во второй ряд и опять начинаем слева, где с самого краю стоит небольшого роста человек в белом кителе. Это **Михаил Михайлович Протодьяконов** (1874-1930), тоже крупная фигура в горной науке, один из создателей Среднеазиатского университета в Ташкенте. В 1912 году он работает профессором в Екатеринославском высшем горном училище, то есть там же, где работает Терпигорев (заметим в скобках, что первым директором Екатеринославского высшего горного училища был Сергей Николаевич Сучков, — с которым мы уже немного познакомились, — а как раз 1 июля 1912 года оно преобразовано в Екатеринославский горный институт). К этому времени у Протодьяконова опубликовано несколько значительных трудов. В том числе – диссертация «Давление горных пород на рудничную крепь». Через два года из-за обострения туберкулеза он оставит работу, будет лечиться в Крыму, а затем переедет в Среднюю Азию, в Ташкент.

Второй слева во втором ряду — горный инженер и промышленник **Александр Иванович Фенин** (1865-1944). Про него можно найти много интересных материалов. Он и сам написал мемуары – про себя, свое время и свою Россию, которую был вынужден покинуть – «Воспоминания инженера. К истории общественного и хозяйственного развития России».

Карьера его складывалась удачно. За строительство Веровского рудника «Русско-Бельгийского металлургического общества» (Донбасс) Комитет Всемирной выставки в Париже в 1900 году наградил его именной медалью. Затем Фенин получил должность директора-распорядителя рудника, принадлежащего «Обществу Русских каменноугольных копей» – и под его руководством он стал одним из лучших на территории Донбасса (находился в окрестностях теперешнего города Алмазная Луганской области Стахановского горсовета).

Кроме производственной деятельности Александр Иванович занимался общественной – работал, например, в Совете Съездов горнопромышленников Юга России, где пристальное внимание уделял вопросам безопасности труда шахтеров.

Фенин был очень состоятельным человеком, миллионером. Помимо прочего, ведал поставками угля на московскую электростанцию, и московский городской голова — князь Голицын был его приятелем.

Однако на этой фотографии Александр Иванович Фенин оказался прежде всего как один из основателей горноспасательного дела в России.

В Совете Съездов горнопромышленников Юга России он возглавлял комиссию по организации спасательного дела на Донбассе. Фенин собрал предложения уже кое-где действующих районных комиссий, систематизировал их и представил на рассмотрение Съезда — 33-го по счету (1908).

В результате была принята, как бы мы сказали сегодня, «дорожная карта» — план действий по созданию единой системы спасательного дела в Донбассе.

Октябрьскую революцию Фенин не принял. В декабре 1919 года возглавил министерство торговли и промышленности в правительстве Деникина (примерно тогда же Александр Митрофанович Терпигорев начинает работать в Горно-топливном отделе этого министерства), а уже в январе 1920-го покинул Россию.

Когда в 1928 году многие из оставшихся в России коллег Фенина были арестованы по «Шахтинскому делу» (только на этой фотографии таких, по крайней мере, трое: Скочинский, Мешков, Фёдорович), его имя на процессе тоже звучало — в качестве зарубежного организатора вредительской контрреволюционной группировки горных инженеров. Большинство современных историков считают этот процесс фальсифицированным, а обвинения ложными.

По левую руку Фенина, третий во втором ряду – горный инженер **Александр Васильевич Давыдов**. Потом, немного развернувшись вправо, человек по фамилии **Верменичев**.

Рядом с ним горный инженер **Александр Александрович Цишевский**. Он работал в располагавшемся неподалеку Екатерининском руднике и организовал горноспасательную бригаду.

Затем идет горный инженер **Маляровский**. Далее — **Григорий Фаддеевич Тигранов** (1859-1930) — действительный статский советник, служащий Горного департамента Министерства торговли и промышленности, позже — председатель правления Амурского золотопромышленного общества, потом — заведующий Финансово-счётным подотделом Отдела технических и профессиональных учебных заведений Народного комиссариата по просвещению. В круг его служебных обязанностей входило исследование показателей деятельности и финансовой состоятельности горнозаводских предприятий. Труды Тигранова по этим вопросам печатались «Горным журналом», выходили отдельными книжками – и до революции, и после. Последний справа во втором ряду – **Шелякин**.

На очереди третий ряд. Первый слева – **Запорожец**. Затем — **Александр Владимирович Коленский**, горный инженер, в 1909–1910 годах бывший управляющим Грушевским рудником. Его перу принадлежат работы по безопасности труда в шахтах. Например, «Несчастные случаи при горных работах и борьба с ними», изданные в Санкт-Петербурге в типографии Сойкина 1904 году. А в 1912 году Коленский перешел на работу в Варшавский политехнический институт – преподавателем горного искусства. Во время Первой мировой войны Варшавский политех был эвакуирован в Москву – и его горный факультет стал основанием Московской горной академии.

Рядом с Коленским, человек, чья голова повернула в профиль (вероятно, горных инженеров снимали сразу несколько фотографов с разных ракурсов) — **Леонид Николаевич Мешков**. Он родился в 1876 году, в казачьей семье, в 1900 – окончил Горный институт (вместе со Скочинским, Свицыным, Робуком, Федоровичем и Добровольским, которые тоже есть на этой фотографии) и вернулся на родину, работал на каменноугольных предприятиях Донбасса. В 1912 году был русским представителем того самого общества «Унион», которое арендовало шахту «Итальянка».

В 1928 году, вместе со Скочинским (и Федоровичем) был арестован по «Шахтинскому делу. К тому времени Мешков работал заместителем технического директора треста «Донуголь»13[13]. Ему предъявили обвинение в руководстве контрреволюционной вредительской организацией, в том, что он распределял деньги и давал инструкции, каким образом лучше проводить промышленную диверсию. Был приговорен к шести годам лишения свободы, трем — поражения в правах, а также конфискации трети имущества.

[13] Донецкий государственный трест по производству антрацита – «Донуголь» образован в 1923 году; состоял из нескольких десятков рудоуправлений, включавших в себя почти все шахты Донбасса. Наряду с ним действовал трест «Югосталь», куда входили металлургические заводы юга России, и трест «Химуголь», объединивший предприятия химической, стекольной и ряда угольной промышленности Донбасса, например, угольные шахты Лисичанска.

Четвертый справа — **Борис Николаевич Соколов**. В 1912 году он возглавлял технический отдел в Совете Съездов горнопромышленников Юга России и неоднократно участвовал в спасательных работах на донских рудниках.

Следующий выдающийся человек, запечатленный на этой фотографии, **Александр Андреевич Ауэрбах** (1844-1916). В 1912 году он работает на Южном Урале, председательствует в правлении Инзерского горнозаводского общества, которому принадлежат чугуноплавильные заводы, а «между делом» проектирует железную дорогу, которая бы соединила Центральную и Южную Россию с Уралом, Сибирью, Казахстаном. Воплощению этой затеи в жизнь помешала Первая мировая война. Он – герой исторически-беллетристического очерка Валентина Пикуля «Ртутный король России». По-немецки дисциплинированный и по-русски размашистый, Ауэрбах оставил свой след в самых разных направлениях горного и не только горного дела. Бурил артезианские скважины, составлял таблицы микроскопического определения минералов, занимался разведкой угольных месторождений, явился инициатором проведения Съездов горнопромышленников Юга России.

Он работал на Урале – и там появились Надеждинский металлургический завод, Турьинское горное училище, усовершенствовалось медеплавильное производство… Он работал в Донбассе – и там, в 1896 году, в Горловке, открылся первый в России ртутный завод.

Рядом с Ауэрбахом – горный инженер **Бубляев**. Затем, седьмой слева (или второй справа) — **Иосиф Иосифович Фёдорович** (1875—1937) – управляющий рудником в селе Григорьевка неподалеку от Макеевки, где он организовал спасательную команду.

Фёдорович происходил из семьи потомственных морских офицеров. Его отец и старший брат Михаил были контр-адмиралами. Иосиф же в 1900 году — вместе со Скочинским, Свицыным, Мешковым, Робуком, Добровольским – окончил Санкт-Петербургский горный институт и стал работать во Франко-Русском горном обществе, чье правление располагалось в поселке Ханженково (родине основателя российского кинематографа), позже вошедшим в состав города Макеевка.

Иосиф Иосифович был человеком активной жизненной позиции, считал себя социалистом, стремился, чтоб и горное дело было построено на разумных справедливых началах. Неоднократно избирался делегатом съездов горнопромышленников Юга России. Он организовал нечто вроде курсов горноспасателей и составил для них первую инструкцию. Он же стал и первым заведующим первой горноспасательной станции в России, которая открылась в Макеевке в 1907 году (ныне – Государственный Макеевский научно-исследовательский институт по безопасности работ в горной промышленности) усилиями уже неоднократно упоминавшегося здесь Совета съезда горнопромышленников Юга России.

Фёдорович ввел на станции военную дисциплину, единую форму одежды, обязательные тренировки личного состава, добился оснащения станции по последнему слову европейской и американской техники. А через год оставил эту службу, передав бразды правления Центральной спасательной станции Дмитрию Гавриловичу Левицкому (он тоже есть на той фотографии из Юзовки, и рассказ о нем — впереди).

Иосиф Иосифович прожил совсем недлинную жизнь, но его биография очень разнообразна и насыщенна. Наверное, о нем можно было бы написать роман.

Так же, как Скочинский и Мешков, Фёдорович в апреле 1928 года был арестован по Шахтинскому делу. И одновременно, вместе с другим выдающимся горным инженером и общественным, политическим деятелем Петром Иакимовичем Пальчинским (тоже выпускник Петербургского горного 1900 года!) проходил по Делу Промпартии.

В отличие от Пальчинского, который был расстрелян в 1929 году, Фёдоровича сначала отправили на Соловки, а потом – в Карагандинский исправительно-трудовой лагерь. Через год, после пересмотра дела, лагерные работы Фёдоровичу заменили на ссылку в Караганду.

Как раз тогда к нему приезжал писатель Александр Бек, издавший в 1939 году, уже после смерти Фёдоровича, повесть о Кузнецких каменноугольных копях (Копикуз), директором-распорядителем которых с 1913 являлся Фёдорович14[14].

Федорович в этой книжке Бека – она называется «Курак15[15] — аккуратно упоминается. В интригующем контексте:

«Они сорвали замки со складов «Копикуза». Склады были набиты скобяным товаром – дверными ручками, петлями, шпингалетами и оборудованием для квартир – умывальниками, унитазами и ванными. Ванны привели роговцев в ярость – они стали разбивать в куски фаянс и мрамор, раскидывать петли и ручки.

Начались поиски инженеров «Копикуза». Всем им Федорович раздал на крайний случай таблетки с цианистым калием. Захватили инженера Челпанова – коксовика. Один из роговцев вытащил у него из кармана две белых пилюли.

— Ишь, буржуй, конфеты носит, -- сказал он и сунул таблетку в рот.

Бандит захрапел и свалился мертвым. Челпанова прикончи на месте.

Роговцам указали квартиру Курако. Когда бандиты узнали, что Курако — начальник проектного бюро, они начали разгром квартиры. Все вещи выволокли из квартиры. Принялись рвать и топтать огромную библиотеку. Там же была уничтожена и рукопись М.К. Курако «Конструкции доменных печей». От этой рукописи остались лишь отдельные разрозненные страницы, которые любовно сохранили его ученики.

Побесчинствовав трое суток в Кузнецке, бандиты двинулись на Гурьевский завод».

В январе 1937 Фёдорович арестован повторно: на этот раз ему инкриминирована организация террористической группы, проводившей «вредительскую работу, направленную на сдерживание темпов развития Карагандинского угольного бассейна». Это обвинение Иосиф Иосифович не признал. 13 октября 1937 года расстрелян. Реабилитирован почти ровно через 20 лет — 21 сентября 1957 года Верховным Судом СССР за отсутствием состава преступления.

Рядом с Федоровичем – **Карл Эрнестович Гроссман**, помощник, окружного горного инженера Макеевского горного округа Сикорского, который на этой фотографии стоит в четвертом ряду.

И, наконец, самый верхний – четвертый – ряд. Крайний слева высокий человек в белом кителе — окружной инженер Таганрогско-Хрустальского округа **Георгий Исидорович Добровольский** (тоже выпускник Санкт-Петербургского горного института 1900 года).

Вторым слева в четвертом ряду стоит **Константин Евгеньевич Робук**, однокашник Добровольского, Скочинского, Свицына, Мешкова, Федоровича. В середине четвертого ряда – окружной горный инженер Макеевского горного округа **Александр Александрович Сикорский**. Крайний справа – **Иван Александрович Минорский**, заведующий Ясиновским рудником16[16].

А между Сикорским и Минорским – низенький коренастый человек – это **Дмитрий Гаврилович Левицкий** (1873—1935). В 1912 году – заведующий Центральной спасательной станцией в Макеевке.

18 июня 1908 года на шахте № 4/4 бис Макарьевского рудника Рыковских угольных копей Донбасса взорвался метан и угольная пыль, что вызвало подземный пожар и гибель людей. Эта авария – самая тяжелая на угледобывающих предприятиях России: по разным данным,

---

[14] После Октябрьской революции, когда угольные предприятия стали собственностью государства и Копикуз вошел в состав Сибугля, Иосиф Иосифович был назначен заведующим его горнотехническим отделом.

[15] Михаил Константинович Курако (1872-1920) – российский металлург, основатель школы российских доменщиков, самоучка, изучивший металлургическое дело опытным путем. Он работал на Донбассе, а также на Кузбассе, где проектировал доменные цеха – в том числе будущего Кузнецкого металлургического комбината. В 1919 году Кузнецк оказался в руках бандитского отряда Рогова. Об этом – и цитата из повести Александра Бека.

[16] Сведения современного исследователя Донбасса Дмитрия Кравцева.

число жертв называется от 270 до 283 человек17[17]. Заведующим шахтой был Левицкий. Он организовал тушение пожара и сам принял в нем участие, находился на волосок от смерти, но остался жив. В качестве руководителя шахты, отвечающего за ее безопасность, Левицкий был привлечён к суду и несколько месяцев провел под арестом.

Случившееся перевернуло его судьбу — отныне Дмитрий Гаврилович целиком посвящает себя горноспасательному делу.

Его биография делает виток, а исследователи строят догадки: как вышло, что вскоре после ареста Левицкого Совет съезда горнопромышленников Юга России назначает его руководителем Центральной спасательной станции в Макеевке?

Но, как бы то ни было, Левицкий с жаром берется за дело. Он доводит до ума постройки станции, добивается её оборудования современной техникой, организует Макеевскую школу горных десятников и вечерние курсы непосредственно для шахтёров.

За границей горноспасательное дело развито лучше, чем в России — и Левицкий отправляется в командировки: Австрия, Германия, Бельгия, Англия, Франция.

В 1910 году у него появляется помощник — **Николай Николаевич Черницын** (1883-1917). Вместе они исследуют угольные пласты на шахтах Донбасса.

Ещё через год после множества экспериментов Левицкий представил горной общественности первый в России регенераторный респиратор — «оживляющий» аппарат «Макеевка». С одной стороны этот аппарат предназначался для защиты горноспасателя при проведении им работ в шахтах. А с другой — мог быть использован для искусственной вентиляции лёгких шахтёрам, пострадавшим от вредных выбросов.

Левицкий применил в своей конструкции жидкий кислород, тогда как знаменитая немецкая фирма «Дрегер», к тому времени уже двадцать лет выпускавшая оборудование для защиты органов дыхания, работала со сжатым кислородом.

О своем изобретении Левицкий рассказал в одном из английских журналов — и специалисты «Дрегера» приняли его лайфхаки к действию. При спасательных работах на шахте «Итальянка», где он принимал участие вместе с Черницыным, аппарат «Макеевка» тоже использовался.

Благодаря Левицкому горноспасательные станции появились не только в шахтах Донецкого угольного бассейна, но и Криворожского железорудного бассейна, Кизеловского (или Среднеуральского) и Кузнецкого угольных бассейнов.

На самой же Центральной спасательной станции в Макеевке была создана серьезная научно-лабораторная база с метеорологической и сейсмической станциями и газоаналитической лабораторией.

Станцию в Макеевке Левицкий возглавлял 8 лет. В 1916-м Дмитрий Гаврилович оставил горноспасательную службу. На посту заведующего Центральной спасательной станции его сменил Николай Черницын.

1 марта 1917 года (ровно через 5 лет после взрыва на шахте «Итальянка»!) Черницын трагически погибнет, спасая людей из шахты «Кочегарка»18[18] в Горловке, где произошел взрыв метана и угольной пыли. За несколько дней до гибели Черницына в Петрограде был опубликован его труд «Рудничный газ. Условия его выделения, его свойства и меры борьбы». В частности, в ней был представлен проект нового спасательного аппарата. По поводу своей работы Черницын советовался с более старшим и опытным горным инженером, профессором Горного института Скочинским19[19].

---

[17] Авария на Рыковском руднике 18 июня 1908 года — MiningWiki — шахтёрская энциклопедия, https://miningwiki.ru/wiki/Авария_на_Рыковском_руднике_18_июня_1908_года?ysclid=mgp42xg3ci119591448

[18] Корсуньская копь, или шахта «Кочегарка» основана в 1867 году и проработала 130 лет, вплоть до конца двадцатого века.

[19] Семнадцать лет назад Скочинский проходил преддипломную практику на шахте «Кочегарка». В отчете о практике он написал, что при употребляющемся на руднике способе работ он буквально минирован гремучим газом — метаном, а

А Дмитрию Гавриловичу Левицкому было отпущено еще девятнадцать лет жизни. Он стоял у истоков угольного института Донбасса, образованного в Харькове в 1927 году, а в 1929-м получившего имя Всесоюзного угольного института – того самого ВУГИ, который через двадцать лет будет переведен в подмосковный город Люберцы и руководство которым примет Александр Викторович Докукин.

В 1959-м ВУГИ объединится с Институтом горного дела Академии наук СССР – и этот единый комплекс возглавит академик Александр Александрович Скочинский.

На фотографии в Юзовке июля 1912 года изображен практически весь цвет горной науки и практики того времени. Несомненно, что этот документ представляет большую историческую ценность. Однако в советскую эпоху снимок зачастую печатался в усеченном, преобразованном виде: из всего коллектива замечательных людей оставляли только «четырех мушкетеров» горного дела – Александра Скочинского, Бориса Бокия, Михаила Протодьяконова и Александра Терпигорева20[20].

***

Однако вернемся в Санкт-Петербург конца 19 — начала 20 веков.

Перейдя в Горный институт, вероятно, по сугубо практическим соображениям (стипендия, а еще очень красивая форма21[21]), Александр скоро втянулся в учебу, заинтересовался тайнами горного искусства, которое в те времена было именно искусством, то есть базировалось, скорее, на личном опыте и неясных гипотезах, чем на четких законах и строгих расчетах. Превратить искусство в науку, открыть законы и расчеты предстояло как раз выпускникам Горного института рубежа веков.

А еще горное искусство открывало целый мир! Российская горная промышленность существенно отставала от западной – и чтобы «подтянуть» эту отрасль нужно было читать иностранную литературу по специальности, ездить в заграничные командировки, чтобы самолично спускаться в рудники Европы и Америки.

По выходе из Горного института Александр Скочинский свободно читал и говорил на английском, французском, немецком языках.

Главными учителями Скочинского были профессора Горного института Николай Дмитриевич Коцовский (1853-1910) и Иван Августович Тиме22[22] (1838-1920). Если Коцовский занимался вопросами общей безопасности ведения горных работ, обследованиями шахт с упором на рудничный газ и пыль, то Тиме шел даже дальше и считал крайне необходимым организацию горноспасательных станций на рудниках.

«единственным средством, могущим ослабить эту постоянную опасность, является сильная и всегда исправная вентиляция и надзор за количеством выделяющегося газа».

[20] Ретушированный вариант снимка опубликован, например, в биографическом очерке о Терпигореве 1965 года, написанном Б.А. Розентретером (с. 55); а вот в вышедшем четыре года спустя жизнеописании Скочинского авторства Г.Д. Лидина фотография представлена уже в своем изначальном виде (с. 59).

[21] Ученик Скочинского Алексий Акимович Харёв вспоминал, с какой грустью говорил Скочинский об отмене персональных званий горных инженеров, а также изменении их формы, что произошло в период хрущевской оттепели (Воспоминания Алексея Актимовича Харёва об учителе Александре Александровиче Скочинском и о кафедре рудничной вентиляции Московского горного института 1940-1962 годов, Москва, 2024).

[22] Немецкая фамилия Тиме играла большую роль в русской истории. Вот только два факта. Отец Ивана Августовича – Август Иванович был хорошим знакомым Герцена и даже стал прототипом его персонажа – доктора Крупова. Племянница Ивана Августовича, дочь его брата Германа – Софья выйдет замуж за Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло, который тоже появится на страницах этой книги.

Александр Скочинский – студент пятого курса Горного института, 1900

Проблемы безопасности труда, связанные с вопросами движения воздуха, газо- и пылеобразования в шахтах, интересовали Скочинского со студенческих лет. Пройдет еще несколько лет – и горный инженер Скочинский станет основателем научной школы в области рудничной аэрологии, науки, изучающей атмосферу в шахтах, законы движения воздуха, газообразных примесей, тепла и пыли в подземных выработках.

Горный институт Скочинский окончил с отличием. Его имя занесено на золотую доску почета, а будущее предопределено: он намерен всерьез заняться горной наукой. Перестав быть студентом, Александр остается при институте – для подготовки к преподавательской деятельности. Однако вначале вместе с группой других свежеиспеченных горных инженеров Скочинский на несколько месяцев направлен для практических занятий в Херсонскую губернию – на машиностроительный и чугунолитейный завод Ф.М. Дутикова.

А потом и новая командировка: по рекомендации Н.Д. Коцовского Скочинский включен в правительственную комиссию, созданную для исследования производственной мощности Донецкого угольного бассейна – Донбасса.

Возглавлял эту комиссию Леонид Иванович Лутугин (1864-1915). Его имя связано с освоением сразу трех угольных бассейнов России – Донецкого, Челябинского, Кузнецкого. Донбассу он посвятил практически половину своей короткой жизни. С 1892 по 1913 год изучал Лутугин его геологическую структуру – в результате была составлена геологическая обзорная карта Донбасса, снискавшая большую золотую медаль на Туринской международной выставке промышленности и труда23[23].

[23] Проходила с 29 апреля по 19 ноября 1911 года в память пятидесятилетнего существования объединенного Итальянского Королевства.

Леонид Иванович Лутугин (1864-1915)

Однако профессор Горного института и сотрудник Геологического комитета обладал еще и определенными политическими воззрениями, которые не всегда находили поддержку у его коллег. Геологическую работу он сочетал с общественной. Состоял в Союзе освобождения, нелегальном политическом движении, основанном Петром Бернгардовичем Струве, членами которого являлись многие выдающиеся ученые и философы – Владимир Иванович Вернадский, Николай Александрович Бердяев, Сергей Николаевич Булгаков и др.

Некоторое время Леонид Иванович Лутугин был конституционным демократом, то есть кадетом, даже избирался в центральный комитет этой партии, но потом вышел из нее. Активно участвовал и в создании Союза союзов – своего рода «кадетского профсоюза», объединяющего либерально настроенных представителей интеллигенции – адвокатов, преподавателей, писателей, инженеров, медиков, фармацевтов, служащих правительственных учреждений и др. Он даже в третью Государственную думу баллотировался.

В общем, вырисовывается личность харизматического и «заводного» человека!

В 1913 году у Л.И. Лутугина возникнут разногласия с Геологическим комитетом, под чьим патронажем проходили донбасские работы, и он примет приглашение акционерного общества «Копикуз», то есть, собственно – Кузнецкие копи24[24].

Он и его группа работали на Кольчугинском руднике (ныне город Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области). Лутугин считается основоположником коксохимческого производства в Кемерово. В августе 1915 года Л.И. Лутугин заболел дизентерией и умер. Друзья запаяли его тело в цинковый гроб и увезли в Петроград. Похоронен ученый на Литераторских мостках Волковского кладбища.

Его именем назван город в Луганской области, шахта – в Донецкой, а также угольный пласт в Кузбассе.

Кроме того, в Петрограде некоторое время работал Народный университет имени Л.И. Лутугина. Инициатором его создания выступил еще один профессор Горного института – Владимир Иванович Бауман (1867-1923), который участвовал в той самой правительственной комиссии начала 1900–х годов для исследования Донбасса.

Еще один яркий участник лутугинской экспедиции на Донбасс – Петр Акимович (или Иакимович) Пальчинский. Со Скочинским они в один год поступили в Санкт-Петербургский горный институт и в один год его окончили. Их пути нередко пересекались – и напрямую, и опосредованно – Донбасс, Черембасс, зарубежные командировки… Скочинский и Пальчинский представляются в какой-то мере антиподами, как Онегин с Ленским, как лёд и пламень. Настолько «холоден», немногословен и сосредоточен один, настолько «горяч», красноречив и разносторонен другой.

Сын польского повстанца, Скочинский будто открещивается от своего происхождения, подчеркивает свою аполитичность. Пальчинский, напротив, ещё в студенчестве демонстрирует общественную активность, принимает участие в волнениях, создаёт кассу взаимопомощи. В организованной Лутугиным экспедиции по собственной инициативе исследует положение рабочих, собирает статистический материал по этому вопросу. Он разрабатывает программу комплексного развития Сибири на основе горнодобывающей промышленности; в годы Первой русской революции избирается в совет служащих и рабочих Иркутского депо, за что потом попадает в тюрьму.

[24] Напомним, что Копикуз упоминался в связи с Иосифом Иосифовичем Фёдоровичем, который начал там работать как раз в 1913 году.

Некоторое время Пальчинский живет в эмиграции, где занимается отнюдь не только вопросами горного дела и экономики, но и участвует, например, в организации «Русского кружка им. А. И. Герцена».

Вернувшись в Россию накануне Первой мировой войны, Петр Акимович Пальчинский активно включился в хозяйственную жизнь страны (например, организовал синдикат «Продуголь»), а когда свершилась Февральская революция, вошел во Временное правительство – состоял его главноуполномоченным по снабжению металлами и топливом, товарищем министра торговли и промышленности… В мае 1917 года Пальчинского чуть было не назначили военным министром, а в октябре он – руководитель обороны Зимнего дворца.

В годы Советской власти Петр Акимович также неоднократно сидел в тюрьме, а в перерывах много и плодотворно работал в горной науке и практике. Опять-таки, как и Скочинский, являлся профессором Горного института, входил в состав ВСНХ.

А ещё работал в Русском техническом обществе, был постоянным консультантом Госплана СССР, проекта ДнепроГЭС, участвовал в составлении плана ГОЭЛРО — Государственной комиссии по электрификации России, организовал Институт изучения поверхности и недр и редактировал его печатный орган – журнал «Поверхность и недра», где, кстати, предлагал свой план исследования природных ресурсов страны.

В 1924-25 годах под его редакцией (вместе с Семеном Филипповичем Малявкиным, геологом и горным инженером, тоже выпускником, а затем профессором Петербургского горного института, в 1917-1918 годах руководившем Горным департаментом и тоже попавшим под репрессии) выходит обширный труд в пяти томах «Естественные минеральные строительные материалы Европейской России».

В последний раз Пальчинский был арестован в апреле 1928 года, на два дня позже Скочинского, и, по-видимому, так же в связи с Шахтинским делом (подробнее о нем речь пойдет далее). Однако в Шахтинском процессе Пальчинский не принимал участия: его дело отнесли к другому крупному судопроизводству – о вредительстве в промышленности, проходившем с 25 ноября по 7 декабря 1930 года. Арестованных инженеров обвиняли в создании антисоветской подпольной организации, фигурировавшей сразу под несколькими названиями: «Союз инженерных организаций», «Совет Союза инженерных организаций», «Промышленная партия».

Но ко времени слушания «Дела о Промпартии» П.А. Пальчинского уже не было в живых. Его расстреляли 22 мая 1929 года. Два дня спустя об этом сообщила газета «Известия»:

«ОГПУ раскрыты контр-революционные организации на железнодорожном транспорте и золотоплатиновой промышленности Союза, поставившие себе целью свержение советской власти, помощь иностранной интервенции и восстановление в стране капиталистического строя. Идеологические вдохновители и политические руководители этих организаций – Фон-Мекк, Н.К25[25], Величко А.Ф26[26], Пальчинский, П.А., все с большим политическим прошлым, приговорены коллегией ОГПУ к расстрелу. Приговор приведен в исполнение. Остальные участники указанных к.-р. организаций приговорены на разные сроки заключения в концлагеря».

Исследователи единодушны в мнении, что Пальчинский не признал обвинения, а в его огромном архиве, тщательно изученном уже в постсоветский период, не содержится и намека

[25] Николай Карлович фон Мекк (1863-1929) – из семьи тех самых знаменитых фон Мекков, основоположников железнодорожного транспорта в России и меценатов. Его родители – Карл Федорович и Надежда Филаретовна фон Мекк, известная своей перепиской с Чайковским. Сам же Николай фон Мекк был женат на Анне Давыдовой, племяннице Чайковского. Н.К. фон Мекк был деятельным и творческим человеком; удачливым предпринимателем, много сделавшим для развития железнодорожной отрасли России; «капиталистом с человеческим лицом», много внимания уделявшим социально-экономическому положению рабочих. Так, его перу принадлежат проекты города-сада для железнодорожников и московского метро, перевозящего не только пассажиров, но и грузы. Революцию он принял и продолжил заниматься своим главным делом – железными дорогами. Неоднократно арестовывался. Реабилитирован посмертно в 1990 году.

[26] Александр Федорович Величко (1879-1929) – инженер путей сообщения. Поддержав Советскую власть, служил на руководящих постах в Народном комиссариате путей сообщения. Посмертно реабилитирован в 1991 году.

на государственную измену. А вот свидетельств стремления содействовать индустриальному развитию СССР – множество. Американский историк Лорен Грэхэм, досконально изучивший жизнь и взгляды Пальчинского, приводит даже отрывок тоста Пальчинского, произнесенного на банкете в Горном институте в 1925 году:

«С верой в силу науки мы бодро

Совершаем свой жизненный путь,

И потомкам, надеемся твердо,

Нас придется добром вспомянуть –

Труд вложивших свой в

Горное Дело.

То, что на сердце долго кипело,

Что томило нас, так волновало,

Заставляло все силы напречь,

Пусть здесь выльется искренно в речь,

Что одобрим мы звоном бокала.

Пусть растет наше Горное Дело.

Процветает пусть наш Институт.

Крепнет наше слиянье и труд,

Труд разумный, могучий, умелый,

Процветанье пью Горного Дела» 27.

В 1988 году Петр Акимович Пальчинский был посмертно реабилитирован Военной Коллегией Верховного Суда СССР.

…А что же Скочинский? Современники говорили о нем, как о мудром и большой осторожности человеке, каждый шаг которого продуман и строго выверен. Лояльный к Советской власти, А. А. Скочинский, тем не менее, оставался беспартийным. Он был «закрытым» человеком, не особо интересовался политикой, или же не считал возможным, либо правильным, публично выражать свои общественные взгляды, стремился обуздывать обуревающие его чувства28[27]. Только если они не касаются горного дела, конечно, вопросов безопасности труда в шахтах29[28].

Рудничная атмосфера – вечно меняющаяся субстанция, чьи параметры зависят от множества условий. Чем дольше разрабатывается рудник, тем сложнее в нем работать – накапливаются вредные вещества, ухудшаются условия труда, а вот количество полезных компонентов руды, напротив, снижается.

«Риск погибнуть для горнорабочего был в 3-4 раза больше, чем для заводского рабочего», – описывал ситуацию с безопасностью на рудниках в 1915 году А.А. Скочинский.

А через десять лет, выступая на Первом Донецком съезде по безопасности горных работ в Горловке, он апеллирует к благоразумию уже Советского государства:

«Горные работы должны быть дешевы, правильны и безопасны. Этому наше поколение учили в школе. Однако по мере того, как ширилось и углублялось изучение несчастных случаев, происходивших в горной промышленности, и множились научные достижения в области борьбы с этими последними, возникло сомнение в правильности того, что требование безопасности ставят на третьем месте, а дешевизны на первом. Выяснилось гораздо большее, что мы думали раньше, влияние безопасности производства на стоимость его, даже более того – на баланс основного капитала страны, ибо главное богатство каждой страны – ее трудящееся население. Выяснилось, что борьба с несчастными случаями выгодна и должна вестись не только во имя культуры и гуманности, но и во имя материальной выгоды государства в целом… Требуется, чтобы горные работы велись: 1) безопасно, 2) правильно и 3) дешево».

Но возвратимся в начало двадцатого века, когда после командировки в Донбасс, Скочинского отправили за границу. В одних источниках написано, что на девять месяцев, в других, что на два года. Он объезжает шахты Германии, Бельгии, Франции, Австро-Венгерской империи. Знакомится с состоянием вентиляции шахт, с проводимыми там мероприятиями против газа, пыли, пожаров.

Результаты наблюдений появляются в статьях, опубликованных в журналах «Известия общества горных инженеров», издающемся в Петербурге, и «Горнозаводском листке», который печатался в Харькове.

Накопленные материалы стали основой книги «Рудничный воздух и основной закон движения его по выработкам».

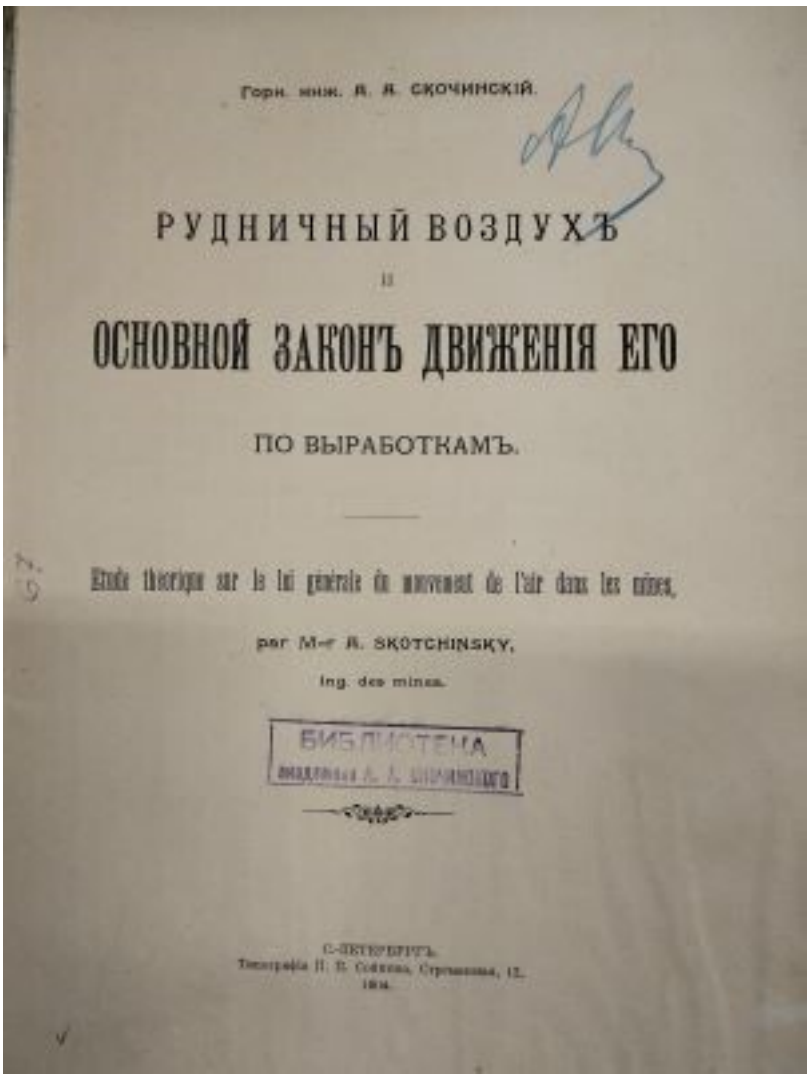
Правильность процесса проветривания горных выработок определялась специальными формулами, и важной величиной их являлся коэффициент вентиляционного сопротивления

---

[27] В личном фонде К.К. Кузнецова хранится черновик письма Скочинского о своем товарище, горном инженере, который был арестован. Фамилия этого человека написана неразборчиво, потому воспользуемся лишь инициалами – В.Л.Б. Автор записки дает очень положительную характеристику В.Л.Б., хвалит его профессиональные качества, упоминает об участии в большевистском кружке в дореволюционную пору. Заканчивается же этот архивный документ так: «Когда я узнал, что В.Л.Б. был репрессирован, я недоумевал и пришел к заключению, что, вероятно, ему повредила свойственная ему горячность, о которой и упоминал выше, переходящая в упрямство»…

[28] Самым почетным своим званием академик и Герой Соцтруда считал звание горного инженера, или даже шире – горняка! У него даже и тост был любимый: «Без лишних слов – за горняков!»

выработок, который обычно называют «коэффициентом альфа». Проблема состояла в том, что коэффициент альфа выводился очень приблизительно. И вот как раз в работе «Рудничный воздух и основной закон движения его по выработкам» содержатся гораздо более тонкие значения коэффициента альфа, которые были определены Скочинским практическим путем – с помощью лабораторных и натурных, то есть происходящих непосредственно в шахтах, исследований.


Горн. инж. А. А. СКОЧИНСКІЙ.

РУДНИЧНЫЙ ВОЗДУХЪ

и

ОСНОВНОЙ ЗАКОНЪ ДВИЖЕНІЯ ЕГО

ПО ВЫРАБОТКАМЪ.

Etude theorique sur la loi generale du mouvement de l'air dans les mines,

par Mr A. SKOTCHINSKY,

Ing. des mines.

БИБЛИОТЕКА

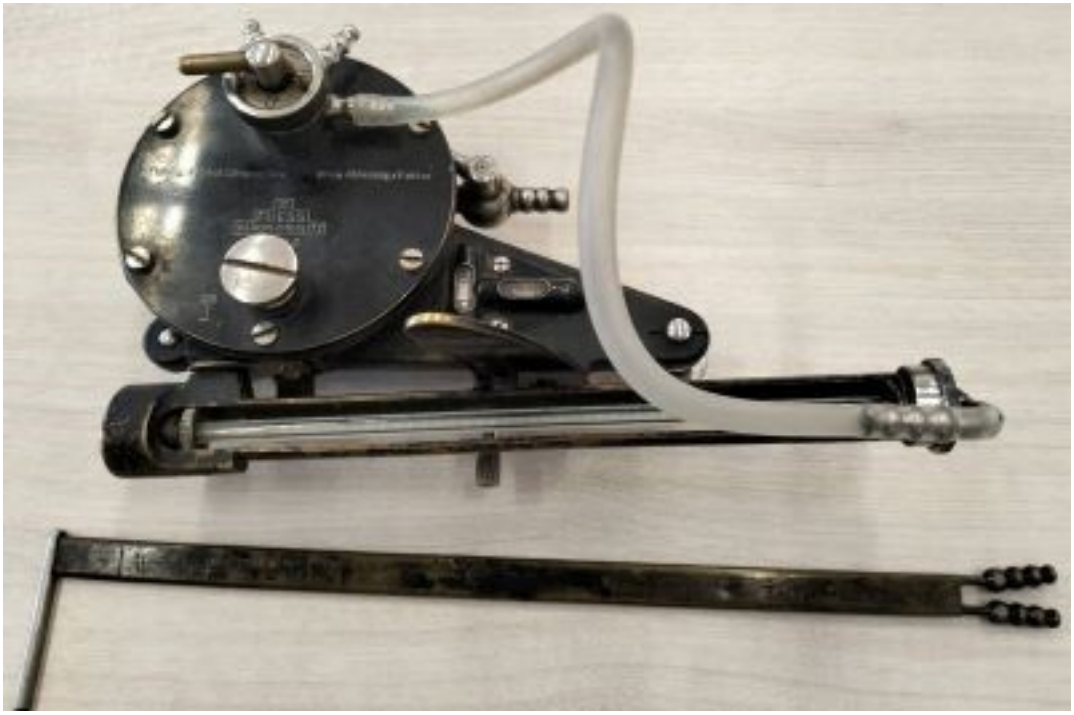
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

«Рудничный воздух и основной закон движения его по выработкам». Личный экземпляр Скочинского из его домашней библиотеки с автографом. Из книжного собрания кафедры «Безопасность и экология горного производства» Горного института НИТУ МИСИС. Интересно, что расписывался Александр Александрович каждый раз по разному, то жестче и крепче, то более размыто и торопливо

Современные ученые считают эту работу тоже своего рода личной «альфой» Скочинского, давшей направление последующим его трудам.

«Дайте нам хотя бы альфочку!» – любил повторять А.А. Скочинский. И эти слова стали своеобразным лозунгом его работы. Да и сегодня «альфочка Скочинского» занимает почетное место на гербе организованной им кафедры Московского горного института – «Безопасность и экология горного производства» Горного института НИТУ МИСИС.

В работе над диссертацией для измерения давления воздуха Скочинский использовал купленный в Германии микроманометр фирмы Fusse 1903 года выпуска. Сегодня этот личный прибор академика хранится на кафедре «Безопасность и экология горного производства». И отнюдь не только в качестве музейного экспоната. Исторический микроманометр тяжелее по весу и меньше по размеру, чем современные, что же касается надежности и точности измерений, то в этом отношении ему и теперь нет равных.



Вот он, легендарный микроманометр Скочинского, который уже более 120 лет верой и правдой служит горному делу!

В 1939 году по предложению А.А. Скочинского при Ленинградском государственном институте по проектированию угольных шахт30[29] было создано бюро по рудничной вентиляции, которое, в частности, занималось определениями значений коэффициента альфа. Работы «в поисках альфы» проводились в шахтах по всей стране – и к тому времени уже академик и директор Института горного дела Академии наук СССР Скочинский лично принимал в них участие. Натурные определения коэффициента вентиляционного сопротивления выработок перепроверялись опытами на моделях. В результате многих тысяч опытов были составлены таблицы значений коэффициента альфа – незаменимая вещь при проектировании систем проветривания в горных выработках. Горные инженеры пользуются ими до сих пор.

С 1906 по 1930 год А.А. Скочинский является профессором Петербургского горного института. Однако с 1917 по 1920 возникает пауза – Гражданская война застает его на юге России, откуда он просто не может выбраться, – и Скочинский преподает в Донском (Новочеркасском) политехническом институте.

Вот как описывает этот период своей жизни в автобиографии сам Скочинский:

[29] Сегодня это ОАО «Гипрошах» – Открытое акционерное общество «Институт по проектировпанию предприятий угольной промышленности «Гипрошахт». Его история начинается с 1928 года, когда институт был открыт по личному распоряжению зампреда Совета народных комиссаров Серго Орджоникидзе. Инициаторами же создания этой организации явились профессора Ленинградского Горного института – Александр Александрович Скочинский и Лев Борисович Левенсон.

«Осенью 1917 года был командирован Горным департаментом в составе специальной комиссии в Донбасс для выяснения добычной способности и перспектив добычи в этом бассейне на ближайшие 3-5 лет. И с группой инженеров и студентов получил [задание? – авт.] для обследования антрацита Донбасса и поместился с семьей в г. Новочеркасске.

Начавшаяся гражданская война оборвала эту работу, фронты военных действий отрезали меня от Петрограда. Тогда Донбасский политехнический институт предложил мне профессуру в этом институте. Я пробыл в этой должности с 1917 по 1920 годы, когда юг бывшей России был окончательно освобожден красными войсками. Приехавшие из Москвы представители центрального правительства для организации гражданских советских учреждений предложили мне пост уполномоченного горного совета при промбюро Югвоста ВСНХ РСФСР31[30], в каковой должности я проработал 6 месяцев, налаживая разрушенную гражданской войной горную промышленность Северного Кавказа. В 1920 году вследствие усиленных просьб Совета Ленинградского горного института и выяснившейся возможности замены меня другим специалистом по работе в Промбюро, – вернулся к профессуре в Ленинграде, где и пробыл до 1930 года.

В 1921 году, не оставляя профессуры, работал членом Коллегии Горного Совета ВСНХ РСФСР, а затем был назначен Председателем научно-технического совета сначала горной и впоследствии горно-рудной промышленности ВСНХ СССР и был таковым до 1930 года. В 1930 году я перешел штатным профессором Московского горного института…»

Автобиография Скочинского написана очень скупо, крупными мазками, и умещается на двух с половиной страничках. Наверное, время ее написания – вторая половина 1940-х. Мы попробуем рассказать о некоторых деталях.

Все пишущие о Скочинском подчеркивают важность практической составляющей его работы. Уже в начале 1900-х годов молодой горный инженер выполняет самостоятельные проекты. Среди них, например, проекты переоборудования Илецкого соляного рудника (Оренбургская губерния), Егоршинского антрацитового рудника и Высокогорского железного рудника (Пермская губерния)… Но одна из самых крупных первых работ А.А. Скочинского происходила на Донбассе.

«В 1907 году, – читаем у Г.Д. Лидина32[31], – промышленник и пароходчик Е.Т. Парамонов привлек его к проектированию строительства антрацитового рудника в Шахтинском районе Донецкого бассейна».

[30] Находился в Ростове-на-Дону.

[31] Лидин Г. Александр Александрович Скочинский. Москва: Наука, 1969.

А.А. Скочинский и К.А. Кузнецов. 5 августа 1912 года. Александровск-Грушевский. Фото из личного фонда К.К. Кузнецова, Главархив Москвы

Парамоновы – известная на Дону фамилия. По всей видимости, А.А. Скочинский работал все-таки не у Елпидифора Трофимовича Парамонова, который в 1909 году умер в преклонных годах, а у его сына Николая. Построенная при участии33[32] А.А. Скочинского шахта (в 1910, или, по другим источникам, в 1911 году) была названа Н.Е. Парамоновым в честь отца – «Елпидифор». Впоследствии, в советские времена, она получила имя Артема – революционера Фёдора Андреевича Сергеева (1883-1921), более известного как «товарищ Артем», – и была закрыта в середине 1990-х годов.

Владелец заводов, газет, пароходов, Николай Елпидифорович Парамонов (1876, или 1878-1951), тем не менее, сочувствовал революционному движению. Он и производством успешно занимался (не только угольным, но и хлебным, и судостроительным), и деятельно поддерживал оппозицию. Его издательство «Донская речь» занималась выпуском и нелегальной литературы. Однако Октябрьскую революцию Николай Парамонов не признал, отдав свои силы и свои капиталы Белой Армии, а после ее поражения уплыл вместе с семьей на собственном пароходе в Турцию.

Но до этого пока далеко. В десятых годах двадцатого века его шахта «Елпидифор» считалась чуть ли не самой лучшей в России по безопасности труда. Еще бы! Надо думать, горный инженер Скочинский досконально продумал все тонкости рудничной вентиляции.

---

[32] Племянник А.А. Скочинского – Константин Константинович Кузнецов пишет: «В 1907 году А.А. Скочинский становится консультантом крупного углепромышленника в Александровско-Грушевском районе (ныне Шахтинском), где была спроектирована и построена крупная шахта «Елпидофор» (позже шахта имени Артема). Управляющим рудниками Парамонова в тот период был мой отец (Константин Андреевич Кузнецов), который и осуществил проектирование, строительство и эксплуатацию этой шахты вместе со Скочинским» («О некоторых эпизодах из жизни академика А.А. Скочинского», биографический очерк, Главархив Москвы, фонд № Л-283, дело 52).

Территориально-географически шахта располагалась в населенном пункте Александровске-Грушевском, который потом станет называться поселком Шахты.

Неподалеку от него находилась еще одна шахта, построенная по проекту Скочинского, которая так и называлась «Проходка Скочинского» (потом — шахта имени В. И. Ленина, закроется в 2004 году).

В 1928 году эти места стали сценой для громкого политического процесса – «Дела об экономической контрреволюции в Донбассе», или, как его называли коротко, «Шахтинского дела».

Сами слушания проходили в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, в течение полутора месяцев, с мая по июль. Обвиняемых было 53 человека – руководители и специалисты угольной промышленности, члены Высшего совета народного хозяйства СССР, управляющие шахтами Донбасса. Историки называют этот процесс «знаковым» событием, своего рода пограничным столбом между НЭПом и коллективизацией, началом эпохи диктатуры и репрессий. Пять человек были расстреляны. В конце двадцатого века Генеральная прокуратура Российской Федерации предприняла собственное расследование «Шахтинского дела», в результате которого все осуждённые были реабилитированы за отсутствием состава преступления.

Скочинского не было в числе 53 подсудимых, но он оказался в числе арестованных во внесудебном порядке34[33].

Вот этот человек в фуражке горного инженера, выходящий из грузовика под прицелом кинокамеры, очень похож на Скочинского! Снимок взят на сайте музея ЦСДФ – Центральной ордена Ленина и ордена Красного Знамени студии документальных фильмов. Материал называется «Шахтинский процесс 1928 года: предварительное следствие в архивных документах», автор – Сергей Александрович Красильников, опубликовано 9 июня 2019 года

[33] Его коллега и родственник – муж Нины Витольдовны, урожденной Скочинской – Константин Андреевич Кузнецов также был арестован по «Шахтинскому делу», но вскоре оба вышли на свободу и оба выступили на суде. В 1932 году К.А. Кузнецов умер.

19 апреля 1928 года Скочинскому предъявили обвинение, что он «состоял членом контрреволюционной организации» и по ее заданию «срывал проектную работу в области нового крупного шахтного строительства»35[34].

Скочинский обвинение не признал, назвав его абсурдным. Ведь над составителем проекта имеются еще целых восемь контролирующих инстанций, которые тщательно рассматривают проект и по отдельным его частям, и в целом, потому «совершенно невероятно, чтобы при таких условиях в проекте могло остаться незамеченным какое-либо злостное вредительство».

В заявлении, адресованном помощнику начальника ЭКУ (экономического управления) ОГПУ (Объединённого государственного политического управления), Скочинский писал следующее36[35]:

«В частности, в отношении меня, профессора Скочинского, который (это всем известно, кто соприкасался с трестом «Донуголь» и вообще с Донбассом) всегда настаивал на том, чтобы проекты составлялись с использованием всех технических достижений заграницы и наших, и чтобы мы обогнали Европу, а не шли в хвосте, в отношении меня подозрения в каком-либо вредительстве при проектировании ещё более невероятны и даже абсурдны, и я решительно не могу представить, в чем вообще меня можно обвинить по линии вредительства.

Если же, как Вы мне сказали, имеются показания о моем участии в недавно открытом в Донбассе вредительском заговоре, то ещё раз утверждаю, что обвинение это абсурдно и что тут или недоразумение (путаница какая-нибудь), или случайный оговор (неудачное или неправильное выражение мысли вследствие волнения и т.п.), или злостный оговор из желания запутать дело в поисках соломинки спасения для себя, или ложный донос с целью устранить меня от дальнейшего участия в нашем новом строительстве в горном деле, которому я с таким энтузиазмом отдавал все свои знания и силы».

Решающими аргументами в пользу Скочинского явились показания главных обвиняемых «Шахтинского дела». Так, например, один из них, заведующий проектным отделом треста «Донуголь» Сергей Павлович Братановский37[36] утверждал:

«Профессор Скочинский, насколько мне известно, с самого начала укрепления Советской власти проявлял большую симпатию к этой власти и проявлял ее совершенно открыто и, видимо, искренне. Это – с одной стороны, и с другой – профессор Скочинский известен мне как человек в высшей степени осторожный, и из осторожности, боясь потерять свою репутацию, по-моему, он никогда не рискнул бы на такой шаг, как участие в организации».

Но, несмотря на свою симпатию к Советской власти, осторожность и высокую квалификацию, Скочинский всё же находился в уязвимой позиции. Многочисленные зарубежные командировки, вполне естественное, логически обоснованное стремление использовать «технические достижения заграницы», даже польские корни могли быть истолкованы и против него. Но, к счастью, этого не произошло. Скочинский отделался месяцем ареста38[37], И, получается, что ученого спасли, не сдали, отстояли коллеги-горняки. Судя по всему, Скочинский пользовался уважением, и его моральный, нравственный авторитет не уступал профессиональным качествам.

---

[34] Через 5 дней с тою же формулировкой арестовали профессоров Днепропетровского горного института Александра Онисимовича Спиваковского и Льва Дмитриевича Шевякова. Впоследствии Спиваковского отпустили за недоказанностью обвинения, а Шевякова признали виновным и отправили в ссылку в Новосибирск.

[35] Цитаты приводятся по книге: Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. Кн.1\тв.ред. С.А. Красильников. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С.446-447.

[36] Братановский был одним из 11 обвиняемых «Шахтинского дела», приговоренных к расстрелу, и одним из 6, кому расстрел заменили десятью годами заключения.

[37] Описание этих дней содержится в письме к сестре Нине Витольдовне, обнаруженном нами в личном фонде К.К. Кузнецова в Главархиве Москвы. Оно написано химическим карандашом на узких длинных листках бумаги и, кажется, уже само неверное начертание строчек передает душевное потрясение его автора.

А кроме того, вполне можно допустить, что к освобождению Скочинского имеет непосредственное отношение его старый гимназический знакомый – прокурор Верховного Суда СССР Петр Красиков.

Шахтеры Шахтинска – постоянные герои прессы двадцатых годов

По мнению историков, Петр Ананьевич показал себя в Шахтинском процессе не слишком красиво. 9 марта 1928 года, то есть задолго до слушаний этого дела в Колонном зале Дома Союзов, газета «Правда» опубликовала Сообщение прокурора Верховного Суда СССР П. Красикова о раскрытии органами ОГПУ контрреволюционной организации, поставившей себе цель разрушить каменноугольную промышленность Шахтинского района Донбасса. То есть, по сути, люди были обвинены заранее, до суда. *«Конечно, сам Красиков был поставлен в сложное положение – он был обязан отреагировать на представленные документы ОГПУ соответствующим образом. Тот факт, что в текст заявления были включены элементы обвинения и даже заключения, свидетельствовал о политической ангажированности прокурора»,* – пишет донской ученый С.А. Кислицын39[38].

[38] Кислицын С.А. Шахтинское дело. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов-на-Дону, 1993, с. 24.

Однако, кто знает, что творилось в душе ангажированного прокурора! «Поставленный в сложное положение» в одном случае, Красиков мог ведь и «переломить» это положение – в другом.

Шахтинский процесс открыл череду дел против технической интеллигенции Советского Союза. От репрессий не спасали ни прошлые заслуги, ни будущие перспективы, ни настоятельная необходимость решать производственные задачи для скорейшего построения социализма, ни знания, ни опыт. Старые спецы, представители дореволюционной науки ходили по лезвию ножа.

Преобразования происходили и в Академии наук. Как раз в конце двадцатых годов ее состав был расширен, начался новый набор академиков.

Среди первых советских академиков – и представители горной и геологической науки А.Д. Архангельский, А.А. Борисяк, И.М. Губкин, В.А. Обручев.

Наиболее противоречивой фигурой среди них является, пожалуй, Иван Михайлович Губкин (1871-1939). Внук бурлака, с отличием окончивший в сорок лет Петербургский горный институт, старый друг Пальчинского40[39], организатор отечественной нефтяной промышленности, ректор Московской горной академии в двадцатых годах, он был известен ещё и своими выступлениями против «врагов» советской власти. Так, например, в «Известиях» от 25 ноября 1930 года появилась статья Губкина о деле Промпартии под красноречивым заголовком «Сорвать строительство нефтяной промышленности вредителям не удалось».

[39] Н.А. Пальчинский даже жил одно время у И.М. Губкина, когда был выпущен из-под очередного своего ареста в 1919 году. Сам же И.М. Губкин работал (до 1921 года) в созданном И.А. Пальчинским Институте изучения поверхности и недр.

Почетная доска с именами академиков в области геологии и горного дела в Государственном геологическом музее имени В.И. Вернадского РАН. Фрагмент

Но есть и другие примеры отношения учёных к происходящему в стране.

Владимир Ефимович Грум-Гржимайло (1864-1928), тоже выпускник Санкт-Петербургского горного института, преподаватель Московской горной академии, член-корреспондент Академии наук СССР, председатель научно-технического совета ВСНХ черных металлов в сентябре 1928 года написал заявление об отставке с этого поста. Этот документ настолько яркий и с человеческой, и с исторической точек зрения, что мы приведем большую его часть41[40]:

«…Большевики объявили, что они делают опыт создать государство на коммунистической семье <…> После они изменили свою платформу и перешли на позицию государственного социализма и пригласили интеллигенцию с ними работать.

Я ни единой минуты не задумался принять это предложение, хотя совершенно был убежден, что учение Карла Маркса – отсталое учение, уже потерявшее всякую почву. Оно было создано в период развития мускульного труда и почти полного отсутствия технических знаний

[40] https://ihst.ru/projects/sohist/document/letters/grum.htm

в промышленности. Теперь картина резко меняется, и я совершенно убежден, что через 50 лет никакого пролетариата не будет: как труд рабов, необходимый в древние времена, заменился работой пара и гидравлической силы, так и труд пролетариата заменяется электричеством. Наш инженерный идеал, зарю которого мы уже видим в железопрокатных заводах Америки,– это завод без рабочих. Это даст людям такое обилие жизненных ресурсов, что в классовой борьбе не будет смысла. Капитализм прекрасно справляется с задачей насаждения этой будущей культуры: правительство САС Штатов уже сейчас в 12 раз богаче русского и во столько же раз обеспеченнее жизненными ресурсами. Из сказанного очевидна одиозность диктатуры мозолистых рук, но власть в России находится у большевиков. Это факт – и с ним надо мириться. Большевики хотят сделать опыт создания социалистической постройки государства. Он будет стоить очень дорого. Но татарское иго стоило еще дороже; однако, только благодаря татарской школе, русские сделались государственной нацией. Временный упадок и ослабление нации с избытком покрывается выгодами такой школы. Увлечение большевизмом сделает русскую нацию такой же сильной, как американцы. Подавление большевиками личной инициативы в торговле и промышленности, бюрократизация промышленности и всей жизни сделают русских – нацией инициативы, безграничной свободы. Большевики излечат русских от национального порока беспечности и, как следствие,– расточительности. За это стоит заплатить. Вот почему приветствую этот опыт, как бы тяжелы ни были его последствия для современного поколения.

Но опыт надо вести честно до конца с обеих сторон. Только честная постановка опыта сделает его убедительным и полезным. Это возлагает обязанность: а) работать не за страх, а за совесть; б) честно учитывать результаты своего опыта, иметь мужество видеть свои неудачи и не валить с больной головы на здоровую.

Но видим ли мы честную постановку в современных условиях? Нет! Нашлись продажные души, которые, вводя в заблуждение бывших владельцев промышленных предприятий, нашли способ выманивать у них деньги за якобы вредительство, которое они якобы будут производить, находясь на службе большевиков. Для всякого ясно, что это был неблаговидный прием выманивания чужих денег и только. Настоящее подлинное вредительство есть легенда, а имел место только шулерский прием. Как отнеслись к этому большевики? Спокойно? Как к простой проделке шулеров? Нет. Они раздули шахтинское дело, сделали из него мнимую угрозу срыва всей промышленности, взяли под подозрение всю интеллигенцию, арестовали множество инженеров, возбуждают серию дел. По каким мотивам было так поступлено? Мотивов такого неспокойного отношения большевиков может быть два:

1. Большевики струсили измены и, действительно, потеряли голову и начали делать глупости, но я решительным образом отвергаю эту версию.

2. Первое и несомненное поражение на промышленном фронте, испытанное большевиками, не признается ими, как поражение принятой ими системы управления промышленностью. Для этого у них не хватает еще мужества, и они ухватились за шахтинский процесс, как за возможное оправдание своих неудач…

Раз всякое деяние специалиста рассматривается с точки зрения прокурора и все техники-специалисты находятся под подозрением, то паралич административной машины неизбежен…

Что должен делать я, для которого ясно, куда мы идем? Я, честный человек. Писать, говорить, печатать?

Свободного слова нет, свободной печати нет… Остается молчать и делать вид, что служишь… Мы, дескать, люди маленькие… и ждать неизбежной катастрофы.

Большевики, раздавив капитализм, уничтожили класс независимых от правительства людей. При царском порядке земельное дворянство, купечество и промышленники, люди так называемых свободных профессий, были совершенно свободны и независимы от правительства. Они смели свое суждение иметь, и таким образом существовало независимое обществен-

ное мнение, к которому царское правительство могло прислушиваться. Сейчас в России независимых людей нет. Все интеллигенты сделались людьми 20 числа, голодом принуждены быть послушными рабами. Поэтому все молчат…

Будет ли честно с моей стороны молчать и служить в качестве председателя НТС черных металлов, если я убежден, что это учреждение может работать плодотворно только при полном доверии к нему правительственных органов и, напротив того, при возведенном в принцип недоверии – плодотворно работать не может?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.